

S.E.C.T.O.R.

A movie poster for the film 'S.E.C.T.O.R.'. The central image shows a man in a blue hooded jacket and camouflage beanie riding a motorcycle. He is holding a submachine gun in his right hand and a handgun in his left. The motorcycle has a large headlight and a small box on the handlebars. In the background, the Spasskaya Tower of the Moscow Kremlin is visible against a sunset sky filled with many birds. The scene is set on a cobblestone path with some trees and bushes.

Андрей ЛЕВИЦКИЙ
Виктор ГЛУМОВ
Антон КРАВИН

НАЕМНИКИ СМЕРТИ

S.E.C.T.O.R.

Андрей Левицкий
Наемники смерти

«Автор»

2012

Левицкий А. Ю.

Наемники смерти / А. Ю. Левицкий — «Автор»,
2012 — (S.E.C.T.O.R.)

Любой, кто хоть раз был в Секторе, стремится проникнуть в его сердце – Глубь. Говорят, некоторые из тех, кто добирались туда, возвращались измененными, а большинство исчезало бесследно. Еще говорят, что именно там можно найти разгадку тайны Сектора. Данила Астрахан берется выполнить задание – проникнуть в Глубь – и получает ключ от нее. Теперь Даниле предстоит девяносто километров пути: через искажения, через вымершие города, где живут лишь призраки прошлого и мутанты, через гиблые земли, населенные порождениями Сектора. А группа опытных наемников уже направлена на перехват экспедиции, и командует ими старый враг Данилы, упорный и беспощадный. Поход начался. В Секторе нет правил. И ключ от его тайн нужен всем!

© Левицкий А. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Левицкий, Виктор Глумов, Антон Кравин Наемники смерти

Часть первая Москва, Первый пояс опасности

Глава 1

Ветви хлестали по щекам, хватали за рюкзак. Данила мчался за идущим по следу Зулусом, здоровенным псом породы риджбек, – и не успевал! Легкие рвало, мышцы сводило судорогой. Берцы скользили по траве, а камуфляжные штаны промокли от росы. Надо успеть до восхода! Хамелеоны не любят солнце и с рассветом становятся агрессивней.

Он выслеживал эту тварь уже несколько часов – хитрая бестия дважды обманывала его, петляла, путала следы.

Химки, ближнее Подмосковье, а будто по диким землям бежишь: серый предрассветный воздух пахнет зелению и хвоей, птицы заливаются... Ни шума автострады, ни бензиновой гари. И даже тропинок не осталось, непроходимые дебри кругом.

Пролесок закончился внезапно. Небольшая передышка – хватая ртом воздух, Данила Астрахан присел и на взрыхленной земле рассмотрел след босой человеческой ноги. Сплюнул. Вот уж повезло! Неугомонный Зулус понесся дальше и теперь шуршал в малиннике впереди.

Восстановив дыхание, Данила двинулся по следам. Из тумана выплыли очертания забора – накренившегося, ребристого, в пятнах ржавчины. Где-то впереди заскрежетала сталь – Данила выхватил обрез и шокер, прицелился в заросли. Высокая, в человеческий рост крапива задвигалась, и появилась рыжая башка Зулуса, пес мотнул головой – скорее, мол, неповоротливый хозяин! Пес нырнул в крапиву, Данила – следом, защищая лицо.

За забором была стройка, брошенная двадцать лет назад, когда появилась область, названная впоследствии Сектор. В огромном котловане образовался пруд, прилегающая территория заросла кустарником; к строительному вагончику вела тропа, там, видно, жили бомжи. Зулус подал голос. Басистый лай отражался от стен бетонных великанов, множился и затихал в их пустых утробах. Данила бросился на звук. Обогнул расписанный граффити недострой и остановился перед бетонным колоссом, крыша которого терялась в тумане.

Завидев хозяина, Зулус залаял с удвоенной силой, завертел головой: там оно, там! Плохое, чужеродное! По стене полезло! Иди, выгони его, а я убью!

Обогнув здание, Данила вошел в дверной проем, пес рванул следом, замер, прислушиваясь.

– Ищи! – Данила указал на лестницу.

Пес помчался наверх, перескакивая через ступени. Данила – следом, с обрезом и шокером наготове. Пока Зулус деловито обследовал этаж, он притаился у спуска. Это его тридцатый хамелеон. Можно сказать, юбилейный. Наверное, это что-то значит. Как и любой ловчий, Данила Астрахан был суеверным. Те, кто все время рискует жизнью, против желания начинают верить в небылицы.

И хорошо бы на этом юбилейном хамелеоне завязать: вольных ловчих все меньше, прижимают со всех сторон. Уехать бы, зажить спокойно – никаких предрассветных погонь, свой

тренировочный комплекс, дом у теплого моря. «Вот для этого, – напомнил себе Данила, – ты здесь и сидишь. И хамелеонов тебе понадобится еще не один десяток».

Передышка закончилась.

Обыскав этаж, пес устремился выше и заскулил, глядя на обвалившийся лестничный пролет.

– Ждать здесь! – приказал Астрахан, ухватился за торчащий из стены прут арматуры, проверил его на прочность – сойдет. Оттолкнулся от пола, подтянулся рывком и повис на железном перекрытии. Снова подъем. Вытолкнуть себя на бетонный пол. Метнуться к стене и выхватить обрез. Есть!

Теперь – прислушаться и затаиться. Без пса опасно: у хамелеонов отличный нюх, и они умеют бесшумно подкрадываться. Тишина, лишь кровь колотится в висках. Встать. Тихо, на цыпочках обследовать этаж за этажом.

На сером бетоне стены отпечатался первый солнечный луч. Данила поднялся, смахнул каплю пота и, переступая через кучи строительного мусора, двинулся по длинному коридору с рядами одинаковых дверных проемов. Видимо, здесь проектировалось офисное здание.

Первый дверной проем. Шагнул внутрь – пусто. Второй проем – пусто. Дальше осторожность притупилась, и Данила действовал на автомате.

Ничего не обнаружив, он взбежал на третий этаж, уловил едва различимый шелест и рванулся на звук. Это в конце коридора, последняя или предпоследняя комната справа. Замедлил скорость. Ладонь вспотела, и он поудобнее взял обрез. Шаг. Еще шаг. Чем ближе он подходил, тем отчетливей шелестело, что-то чуть слышно урчало и пощелкивало.

Главное – застать врасплох, выстрелить и, пока тварь корчится, долбануть ее шокером. А потом все просто. Вот она, комната. Данила шагнул в проем и сразу же прижался спиной к стене, целясь перед собой.

Загрохотало, поднялся пронзительный крик. Астрахан выстрелил прежде, чем понял, что случилось: здесь ночевали птицы – не то вороны, не то голуби. Они разом сорвались с мест и заматались по комнате, поднимая пыль, а потом хлынули в окно, оглашая окрестности криком.

Данила выругался, сплюнул. На улице, прямо под окном, подвывая, разорвался Зулус. Высунувшись, Данила глянул вверх и влево. По отвесной стене ползло существо, отдаленно напоминающее человека: две руки и ноги, голова, туловище, а вот пропорции искажены, как на рисунке дошкольника. «Пятый этаж», – оценил Данила, ловя в прицел бледный бок твари.

Грянул выстрел. Хамелеон вздрогнул – его бок разворотило, – но не отцепился от стены и продолжал ползти. Подтянулся, исчез в окне пятого этажа левого крыла. Данила рванул туда.

Лестничный пролет. Еще один. Очередной длинный коридор. Повернуть! Это было третье окно с краю. Теперь можно не осторожничать. Раз – комната, два – комната... На полу – кровь вперемешку с зеленоватой слизью и перьями. Идти по следу. Поворот – Данила влетел в комнату. Тварь сидела на подоконнике: тощий, совершенно лысый антропоморф с зелено-белой кожей. Глаз нет. Вывернутые ноздри, синеватые приоткрытые губы, во рту – какая-то пленка, редкие зубы. Бок разворочен – желтоватые гранулы жира вперемешку с сукровицей. Руки вскинуты и вывернуты. Кожа бугрится и меняет цвет, пальцы удлиняются... Хамелеон принимает новую форму!

Палец сам нажал на спусковой крючок, и тварь вышвырнуло на улицу, к заждавшемуся Зулусу. Астрахан с места, где сидел хамелеон, прыгнул на козырек балкона, оттуда перебрался на балкон третьего этажа, сбросил обрез. Нет времени бежать по лестнице. Тварь может очухаться и покалечить собаку!

С балкона второго этажа он прыгнул в траву, перекатился и, волоча ушибленную ногу, побежал к Зулусу, с урчанием рвущему хамелеона.

– Фу! Зулус! – орал он. – Пшел вон! Фу!

Пес с визгом отлетел в сторону, получив сильный удар по брюху, а подскочивший Данила попытался ткнуть шокером, но хамелеон с неожиданным проворством метнулся ему под руку. И вскочил, наградив ударом твердой башки в подбородок. Искры посыпались из глаз. Данила повалился на спину, выпустив шокер, а хамелеон вдруг очутился прямо на нем, в шею впились длинные пальцы.

И тут же на горле хамелеона капканом сомкнулись челюсти подскочившего сзади Зулуса. С рычанием пес мотнул головой, сбросил тварь с хозяина. Извернувшийся Данила схватил шокер – хорошо, тот упал недалеко, сел, протягивая руку, с криком: «Отпусти его! Фу! Пошел прочь!!!»

Зулус, разжав хватку, отпрыгнул. Данила ткнул в хамелеона шокером, рывком поджав ноги, чтобы не коснуться твари, в которую впился разряд.

Пулей эту дрянь можно только затормозить, а вот электричества хамелеоны не переносят. Жертва забилась, пустила пенную слюну и сдохла.

Тяжело дыша, он сел на корточки. Зулус тоже сел, хвост его бил по асфальту. Хамелеон теперь напоминал черт те что: челюсти перед смертью вытянулись, прорвали кожу и походили на раскрытый клюв, руки истончились, поросли перьями, грудная клетка выгнулась... Мерзость! Тварь мелко подрагивала.

Данила ногой перевернул хамелеона на спину, вынул из ножен тесак и одним ударом перерубил ребра у грудины. Надев перчатки, вставил между ребер реечный расширитель и с хрустом раскрыл грудную клетку хамелеона. Скальпелем вырезал коричнево-розовый комочек размером с кулак – железу, единственное, что никогда не меняется у этих тварей, и вытащил ее с помощью хирургических щипцов.

Вынув из кармана герметично закрывающийся контейнер с физраствором, Астрахан поместил железу туда и проговорил, скупно улынувшись:

– Крупная. На много потянет, можно отдыхать пару недель. Как ты на это смотришь, Зулус? А если не отдыхать, а работать, скоро мы отсюда свалим...

Он не договорил – зазвенел телефон в чехле на ремне. Чертыхнувшись, Данила вытащил трубку, посмотрел на экран и поднял брови. Этот человек в последний раз звонил... год назад? Полтора? А сам Данила не звонил ему еще дольше. И что ему понадобилось?

Трубка трезвонила и дрожала в руке. Вдавлив клавишу, Данила поднес телефон к уху, сказал:

– Да, что тебе?

– И это вместо «привет», «как дела»? – осведомились в трубке. – Вежливее надо быть, Данила Тарасович.

– Что тебе?

Голос собеседника стал серьезным:

– Есть дело. Загляни ко мне сегодня вечером. Обязательно.

– Не интересуюсь, – ответил Данила и уже собрался отключиться, когда услышал то, что заставило его снова прижать трубку к уху.

– Сын, если исполнишь мое задание, заработаешь столько, что хватит до конца жизни и еще останется. А если не исполнишь – тебе конец, я первый наведу на тебя Ловчий клуб. Будь сегодня вечером у меня – это не просьба!

И потом отец Данилы, профессор Тарас Петрович Астрахан, отключился. Первый, чтобы сын не успел сделать это раньше.

Данила несколько секунд молча глядел на трубку в своей руке, потом сунул ее в чехол и бездумно потрепал Зулуса за ухом. Пес зевнул и облизнулся. Данила снял перчатки, обтер кисти антибактериальной салфеткой и, закинув рюкзак за плечо, пошел к оставленному у въезда в лес мотоциклу.

* * *

Мотоцикл фыркал, извергал клубы дыма. Солнце начало припекать, Данила вспотел и покрылся пылью. Брылы Зулуса трепал ветер, пес жмурился и отворачивался. В коляске ему было неудобно, он устал и хотел пить.

– Потерпи, – пробормотал Данила, не стараясь даже перекрыть шум мотора. – Скоро приедем, дядя Геша даст тебе и воды, и еды.

Зулус взглянул на хозяина и зевнул. Астрахан тоже зевнул. Пыль набилась в рот.

Некогда Рублевское шоссе было престижнейшим районом: коттеджи, правительственная трасса, дача Президента... Теперь у него дом в Комарове, и все олигархи, нувориши, воры свалили туда же, а Рублевка опустела. Местные, коренные – и те разбежались из деревень. Деревянные дома и кирпичные коттеджи здесь стоили одинаково, точнее, ничего не стоили – живи, кто хочешь.

Если не боишься, что ночью на твой огород придет хамелеон, злой и голодный.

Или что очередной особо сильный Всплеск вырубит всю электронику.

Или что мародеры, пьяные ловцы, подгулявшие военные или проводники заявятся в гости.

Если ты вообще не боишься ничего.

Генка-Гоша-Момент не боялся, он органично вписывался в безумие окружающего мира, поэтому жил себе на Рублевке, уже третий коттедж сменил. Данила ехал вдоль сплошного забора метров пять в высоту. Вот и дыра – здесь были ворота или шлагбаум, но их давно нет. Он свернул, мотоцикл покатился между коттеджами, по-прежнему фырка и воня. Навстречу не попало ни одной машины, ни одного человека.

Зулус, кажется, задремал, значит, хамелеонов поблизости тоже не было.

Перед четвертым справа домом Данила остановился, заглушил мотор, забрал из коляски рюкзак с контейнером и обреза. Зулус выпрыгнул и теперь нарезал круги, обнюхивая кусты, траву, кирпичный забор. Данила подозвал его, ухватил за ошейник и потащил к коттеджу: калитка отсутствовала, на нестриженном газоне валялся мусор, оставшийся с прошлых пикников – придется Гене скоро новое жилье подыскивать, это проще, чем все здесь убирать.

Данила позвонил в домофон.

– Кто ты, бро? – спросил Момент.

– Ловчий.

Зулус коротко гавкнул – представился.

– Момент, сейчас открою.

Прошла минута. Астрахан почти выкурил сигарету, Зулус успел пометить фонарный столб. Наконец дверь открылась.

– И правда, – удивился Генка, опуская ружье, – прива, бро! Какими судьбами, ловчий?

На самом деле «ловчий» было не его прозвищем, а названием всех охотников на хамелеонов. Данила Астрахан до сих пор не обзавелся ником. У всех в Секторе и округе имелись прозвища, как у Моменты. Но есть люди, к которым они не липнут, вот и Данила был, наверное, из таких, и обращались к нему другие люди либо по имени, либо по фамилии.

Они обменялись рукопожатиями. Зулус сунулся было в дом, но Момент перехватил его:

– Извини, бро, момент, я Эльзу запру.

– А чего так? Они ж дружили всегда.

– Ощенилась, – лицо у Моменты дернулось. – Подержи Зулуса, ладно? Я моментом метнусь.

Дверь снова захлопнулась. Прошло минут десять, а то и больше: Данила сел на крыльцо, выкурил еще сигарету. Во дворе было тихо, спокойно. Ветер трепал тряпье, высыпавшееся из перевернутого мусорного бака, поблескивала радужной пленкой черная лужа у стены. Данила даже задремал – не заметил, как рядом присел на корточки Момент.

– Все, бро, запер я ее. Дунем?

Данила не курил ничего, кроме табака, и Гена об этом знал, но все равно предлагал каждый раз. Для него это было естественно, как налить другу чая или коньяку.

Припекало солнышко, Астрахан шурился и чесал шрам, протянувшийся от скулы до виска. Момент сопел рядом.

– Э-э-эх, – мечтательно проговорил он, – бро, а ведь когда-нибудь наступит день, и мы откроем бойцовский клуб. Я стрельбе парней учить буду, ты – рукопашке. В Сектор буду ходить ради удовольствия, а не когда припрет.

– Угу, – буркнул Данила и щелчком отбросил бычок. – Десять раз откроем, а потом еще дважды. Хрен ты что в этой стране откроешь – теперь на все монополии.

Момент вздохнул:

– Ну так уедем. Уедем отсюда к чертям! Да понимаю, что нет выхода. Но иногда так мечтается сладко... Вот загорелся твоей мечтой, да! Потому что без мечты, ну, никак. Человек без мечты превращается в тварь ползучую. А так вроде и есть, к чему идти, не зря небо коптим. Поехать... да вон хоть в Португалию, да, или в Испанию. А то и в Бразилию какую-нибудь, ты ведь туда хотел? Лицензию прикупить и забаллотировать свой клуб. Красота... Че, не согласен разве?

– Согласен, – кивнул Данила, вставая. – Так и будешь на пороге держать?

Момент вскочил:

– А, да, пошли!

Поднялись по ступенькам следом за хозяином. Данила с Зулусом вошли в дом. Здесь было полутемно, и хламом Гена оброс – мама не горюй. Пакеты с мусором стояли в коридоре, над ними вились мухи. Зулус сунулся понюхать и оглушительно чихнул.

– Ты бы их хоть во двор вынес, – проворчал Данила.

– Зачем?

– Да воняют же, елки. Ты что, сам не чувствуешь?

– Да мне как-то по фиг... Ну ладно, ладно, ща вынесу.

На кухне Данила расчистил кусок стола, сложив в кучу одноразовую посуду и обрывки промасленной бумаги. Момент налил Зулусу воды, поставил миску на пол и принялся разогревать какую-то еду. У плиты Гена приплясывал, мотал светлыми дредами, с которых сыпалась пыль. Этот плечистый молодой парень, расслабленно-мягкий в движениях, во вьетнамках на босу ногу, широких шортах и футболке цвета героинового прихода, со своей заплетенной в две жидкие косички бородой (по настроению Генка подвешивал к косичкам колокольчики), был одним из лучших проводников в Секторе.

Его уважали, его побаивались – стрелял он без промаха и дрался даже в самом «убитом» состоянии без ошибок.

Рядом с ним невысокий жилистый Данила выглядел совсем несолидно.

– Надо контейнер с железой отдать Хромому, в гараж, – сказал он. – Я у тебя Зулуса оставляю?

– Да без проблем, бро, – не оборачиваясь, ответил Гена, – только я его закрою. Ща, момент, пожрем и поедем. Я слышал, как твой «харлей» рычит, давай на моей табуретке... Во, блин, опять подгорело! Момент, я еще пельменей сварю. Слушь, бро, про Эльзу. Эту тварь, по ходу, в Секторе чупакабра обрюхатила. Помнишь, она две недели там шлялась, сбежала? Вот, сука такая, нагуляла.

Данила, успевший налить себе чаю, чуть не подавился. Он как раз расслабился и размечтался, вообразил собственный клуб – два, а лучше три тренажерных зала, тир. Парочка спортзалов, а на первом этаже – бар, бильярд и боулинг... И тут – на тебе!

– Я тебе покажу, кого она родила, только, бро, лучше после еды, а то аппетит отобьешь. Я вчера подумал – по обкурке глючит. Сегодня проверил: не поверишь, бро, это пипец. Утопил бы, но я ж не могу, я ж такой пацифист, что аж буддист.

Насчет «пацифист, что аж буддист» Данила сомневался, но уточнять не стал. Смотреть на помесь собаки и огромной лысой крысы не было никакого желания.

Зулус, напившись, понесся искать подругу. Данила услышал, как он завыл из глубины дома.

– Эльзиных щенков чует, – заметил Момент.

Зулус выл, как на хамелеона. Данила решил, что, если Генка не утопит щенков, он сделает это своими руками. Но сейчас времени нет – пора выдвигаться к гаражу Хромого.

Отогнав Гену от плиты, он сам сварил себе пельменей и успел поесть, пока тот собирался. В Секторе были и другие хорошие проводники, но Данила Астрахан доверял только Моменту. И друзей, кроме него, у Данилы не было.

* * *

«Сектор – это врата Ада», – написал на воротах гаража какой-то пессимист ядовито-зеленой краской. Неизвестный оптимист зачеркнул «Ада» и написал поверх: «Рая». Неизвестный же реалист изобразил рядом мужской половой орган в возбужденном состоянии.

Момент заглушил двигатель, и Данила слез с мотороллера. Огляделся по сторонам – вроде чисто. На всякий случай поправил в кармане шокер (обрез пришлось оставить в коттедже Моменты, полиция на трассе могла и обыскать, а разрешения у Данилы, разумеется, не было). Подошел к размалеванным воротам и пнул их берцем.

Ворота гулко загрохотали.

– Кто?! – просипели из-за ворот.

– Открывай, Хромой! – крикнул Данила. – Это я, Астрахан!

Заскрежетали несмазанные петли, и в воротах образовалась щель, куда просунулась одутловатая морда Хромого.

– Астрахан? – прошамкал он, что-то дожевывая. Из рта у него сыпались крошки и несло перегаром. – Заходи. А наркоман пусть тут обождет.

– Мир, бро! – безмятежно улыбнулся Момент.

Данила толкнул плечом створку ворот и протиснулся внутрь.

Какой-нибудь экзобиолог – или ксенолог, или как там их сейчас величают, экспертов по Сектору, – отдал бы правую руку, ногу и почку, чтобы попасть в логово Хромого. В неказистом на вид гараже одних только контейнеров с добычей ловцов было с полдюжины. Плюс тушки чупакабр. Шкура вывиглотки. Слякки с сушеными ларвами. Ожерелье из когтей и зубов шестипалого волка. И похожие на канифоль кристаллы добытой из желез субстанции в пластиковых кюветах под ультрафиолетовой лампой на просушке.

По самой скромной оценке коллекция скупщика Хромого тянула на полмиллиона. Или лет на пятнадцать строгого режима...

– Что принес? Показывай...

Данила поставил на верстак контейнер, щелкнул замком.

– Ого, – присвистнул Хромой. – Большая...

– Большая, – кивнул Данила.

– Полтинник.

– Чего? Охренел? Семьдесят пять, не меньше!

– Полтинник, – отрезал Хромой. – И то, пока я добрый. Завтра будет сороковник.

– Почему это? – возмутился Данила.

– МАС. Прижали, гады, работать не дают. Только на прошлой неделе трех барыг закрыли. И Ловчий клуб... цену сбивают ну вообще.

Данила нахмурился. Так вот, да? Сначала ввели лицензии, теперь вообще что-то вроде гильдии создали: поборы, налоги, проценты. Этак скоро будем по плану работать – даешь пятилетку по отлову хамелеонов за три года! И с МАСом у клуба, похоже, контакт налажен.

Совсем некуда податься вольному охотнику... А всякую систему Данила, окончательно расставшись и с армией, и с МАСом, ненавидел лютой ненавистью. Эдак скоро за еду пахать придется, и прощай мечта о спокойной жизни. Сволочи.

На улице зарычали моторы, и пронзительно в два пальца свистнул Гена. Означало это одно: сволочи не заставили себя ждать...

– Облава, – побледнел Хромой. – Гады!

Астрахан захлопнул контейнер и сгреб его в рюкзак. Похоже, придется искать другого скупщика... Кто же это на Хромого навел, неужели за ними с Моментом следили? Не может быть, они бы засекли! Он метнулся к воротам, но было поздно: снаружи мяукнула сирена и взвизгнули тормоза.

– Всем выйти из гаража! – рявкнул искаженный мегафоном голос. – Руки за голову, оружие на землю!

Данила переложил шокер в правый рукав, рюкзак надел на оба плеча, чтобы не болтался, если придется бежать, и медленно вышел на дневной свет. Сзади, растерянно поругиваясь, плелся Хромой.

Проезд между гаражами перекрыл внедорожник «тойота-секвойя» с прожекторами на крыше, мигалкой под лобовым стеклом и гербом МАСа на дверце – золоченым двуглавым орлом с «мирным атомом» на щите.

Из джипа вылезли бойцы в камуфляжах и балаклавских масках¹. Раз, два... Вроде пятеро. Момент, по обыкновению невозмутимый, стоял у мотороллера, заложив руки за голову, будто у него просто зачесалась голова под пыльными дредами.

– Опа! – совсем не по уставу гавкнул мегафон. – Какие люди! Боец Астрахан. Вольно, руки можно опустить...

Сердце пропустило пару ударов. Неужели мерещится? Данила сжал кулаки, прищурился. Дверца джипа распахнулась, и наружу вылезла до боли знакомая личность. Высокий, бритый налысо лобастый мужик с круглым лицом и густыми черными бровями, весь какой-то набыченный, будто раздутый слегка, с сильными руками и резкими, размашистыми движениями. Бросило в жар, потом – в холод. Черт побери, как тесен мир!

Полковник Алан Мансуров, командир роты глубинной разведки, в которой Данила Астрахан мотал срочку и свой первый контракт. Роты, в составе которой он трижды ездил «в командировки» на Кавказ и Памир. Роты, уничтоженной караваном афганских наркоторговцев по вине полковника Мансурова, известного под прозвищем Шейх, жадной и беспринципной гадины. Тогда Астрахан чудом выжил и получил шрам от угла скулы до виска. Волосы на виске, возле шрама, теперь были совершенно седые.

И вот опять Мансуров. Где смерть, там он и появляется. Кружит стервятником. Не дождется, урод!

За минувшие три года Шейх изрядно раскабанел, приобрел некоторую монументальность и сменил берет на вязаную шапочку. Лицо его, как всегда гладко выбритое и бронзовое от загара, оставалось невозмутимым, как у раскосого китайского божка, даже когда Данила презрительно сплюнул себе под ноги.

– Что, Шейх, поперли тебя из армии? – спросил он по возможности равнодушно и насмешливо.

– Почему поперли... – пожал покатыми плечами Мансуров. – Сам ушел. А ты, Астрахан, я погляжу, бандитом заделался. Браконьерствуешь потихоньку?

– Почему потихоньку? – Данила обвел взглядом бойцов бывшего командира. Что-то в них было не так. Неправильно.

¹ Балаклавская маска – маска типа лыжной, с дырками для глаз и рта, придумана английскими солдатами во время крымской войны в Балаклаве.

– Выходи, Хромой, не прячься, – сказал Мансуров. – Пакуйте их, ребята.

Когда «ребята» синхронно двинулись в атаку, Данила понял, что его насторожило. Во-первых, форма. МАСовцы носили стандартную черную униформу с шевронами на правом рукаве, а у этих был разномастный камуфляж. И оружие: вместо шокеров и пистолетов у громил в руках были резиновые палки и (у двоих) телескопические дубинки.

– Мужики, вы чего? – удивился Момент. – Да ладно вам... Я-то тут при чем вообще? Я ж просто дунуть хотел...

«Наемники, – решил Данила. – Не кадровые силовики, а фриланс-бригада. Поймали, отвезли, получили награду. Да, опустил ты, полковник, ниже некуда...» Прелесть ситуации заключалась в том, что в правовом поле деятельность подобных бригад («добровольных дружинников») была прописана весьма смутно. Например, полномочий проводить задержание у них не было, как и права на ношение огнестрельного оружия...

Следовательно, Сектор вам в печень вместо Данилы Астрахана.

– Спокойно, ребята, – сказал он, вытряхивая из рукава шокер в подставленную ладонь. – Главное – это спокойно...

На втором «спокойно» Момент, до сих пор обманчиво-расслабленный, спружинил всем телом и боднул ближайшего наемника лбом в переносицу. «Взять на Одессу» – так в лексиконе уличной шпаны именовался этот крайне эффективный удар.

Хрустнуло смачно. Наемник взвыл от боли и сел на задницу. Его коллеги, не ожидавшие такой прыти от обдолбанного наркоши, на секунду опешили, и Данила этим воспользовался.

Человек – не хамелеон, проводимость электрического тока тканями тела у каждого индивидуальная. Поэтому есть только два места применения шокера с гарантированным результатом. Первое, горло, Данила отмел – пациент, получив разряд в горло, имел все шансы захлебнуться собственной слюной или проглотить язык. А вот второе...

Он со всей дури ткнул электродами в пах противнику и вдавил клавишу. Треск разряда был почти не слышен из-за вопля жертвы. Резкий разворот – и Данила рубанул шокером наотмашь второго, уже успевшего вытащить наручники. Удар пришелся чуть выше височной кости, вскользь. Пластиковый корпус шокера треснул, и зазубренный край рассек наемнику бровь.

Вроде бы пустяковое ранение, а попробуй что-нибудь сделать, когда кровь заливает глаза.

Итого на третьей секунде схватки счет стал три – ноль в пользу Данилы Астрахана и Геши Момент. Поправка: четыре-ноль – Момент, взлохматив дреды, открытыми ладонями хлопнул очередного наемника по ушам. Тот рухнул на колени и ткнулся лицом в асфальт.

Оставался еще один, самый опасный – маленького роста, но гибкий и ловкий, как мангуст. Раскрыв телескопическую дубинку, он скользящими шажочками двинулся к Даниле. Начальство – Шейх – быстро нырнуло обратно в джип и явно не за пряниками. Или вызывает подмогу, или у него там оружие.

Надо решать все мигом.

– Колено! – крикнул Данила.

– А то! – ответил Момент и все так же расслабленно изобразил, что собирается пнуть наемника в колено. Тот, разумеется, отскочил назад и отмахнулся дубинкой. А стальная дубинка – штука тяжелая, инерционная, ей так легко не помашешь, как резиновой палкой. И за те полсекунды, что понадобились оппоненту для восстановления контроля над оружием, Данила успел ткнуть его пальцами в глаза (голова наемника откинулась назад) и врезать локтем в подставленное горло.

– У этого ствол! – заорал Момент.

Шейх выбрался из джипа, сжимая в руке массивный «глок».

– Дверь! – скомандовал Данила и шарахнулся в сторону, «разнося цели». Шейх, не медля ни мгновения, навел оружие на него, как более опасного в боевой паре. Момент же лягнул дверцу джипа, и та ударила Мансурова по руке.

Грохнул выстрел. Шальная пуля попала в плечо застывшего в самом начале драки Хромого. Он заорал, падая назад, а на ворота гаража за его спиной, прямо поверх граффити брызнула кровь.

Астрахан запрыгнул на капот джипа и по-футбольному выбил пистолет из руки полковника. Следующий шаг – на крышу. Перескочить прожекторы. Протянуть руку Моменту, выдернуть его наверх.

Прыжок – и вот они оба стоят на толевой крыше гаража.

– Стоять! – заорал сзади Мансуров, но они уже бежали по крышам соседних гаражей.

Полковник от отчаяния пару раз выстрелил в воздух и проорал им вслед:

– Я тебя достану, дезертир!

* * *

Когда миновали гаражный кооператив и спрыгнули, вдалеке зарычал мотор – Мансуров так просто не сдастся, будет по дворам рыскать, пока его шайка шерстит гараж. А может, и нет; на месте отставного полковника Данила сам занялся бы гаражом, ведь там товара больше чем на миллион.

– Может... вернемся?.. – прохрипел Момент, задыхаясь, и подмигнул. – Моментом туда-назад, склад бомбанем, а, бро?

– Нет уж, – Астрахан вытер пот со лба. – Сейчас к ним подкрепление нагрянет и... Ты хоть понял, кто это был?

– Старые друзья, бро? На МАС не похожи, на дружинников тоже не похожи.

Данила сел на раскрошившийся асфальт, привалился спиной к нагретой жести гаража и закурил. Последствия схватки давали о себе знать: дрожали руки, часто билось сердце. Нужно передохнуть. Момент уселся рядом, открыл коробок с травой, принялся сворачивать самокрутку. Руки у него тоже ходуном ходили.

– Да, старые друзья, – согласился Астрахан с Гошей. – Полковник Шейх собственной сучьей персоной. Совсем нас, вольных ловцов, прижал Ловчий клуб. С проводниками та же ситуация?

– Да как тебе сказать, бро. Мы ж как кошки. Ходим туда-сюда, всем польза, а вреда – никакого. На, пыхни, а то на тебе лица нет.

Данила отмахнулся. Нервы, отходняк после опасной драки, хочется говорить и говорить, обсуждать случившееся, размахивать руками, спорить... И ничего не понятно, ни-че-го. С какого перепуга Шейх? Откуда он вдруг взялся, ведь столько лет его не было видно и слышно! Почему он тут? Что Ловчему клубу надо? При чем здесь МАС?

Нет, последнее как раз ясно, ясней некуда: Сектор – это деньги. Железы – это биотин, вечная молодость. Государство в лице Министерства по аномальным ситуациям хочет наложить лапу на весь бизнес, так или иначе связанный с Сектором. И ведь наложит, дай только время. Возьми Шейх Данилу сегодня (при условии, что Мансуров его не убил бы по старой памяти) – и заставили бы подписать контракт, выдали лицензию. Тогда конец вольной жизни... Ну их к черту.

Момент, сделав несколько затяжек, успокоился. Он, впрочем, и до того не сильно нервничал. Вздохнул:

– Куда ты теперь добычустроишь?

– Идем побыстрее к трассе, поймает бомбилу, – решил Данила, вставая. – Куда пристрою – мои проблемы.

Они поспешили вдоль разрисованного подростками бетонного монолита, слева высился каменный забор с колючей проволокой. Оглянувшись на металлические ворота позади, не сговариваясь, друзья ускорили темп: если там покажется джип Шейха – придется по стенам бегать. Вскоре забор закончился, и они свернули на захламленный пустырь.

Едва заметив два микроавтобуса с тонированными стеклами, Данила упал за кучей битого кирпича и повалил Момент, прошипев:

– Это их подкрепление. Да утихни ты, не ёрзай!

Данила приподнялся, выглянул из-за травы. Машины остановились. Кровь пульсировала в висках и отдавала набатом, но сквозь гул доносился шелест моторов. Вылезли двое бойцов, обменялись репликами, повернулись к двум упавшим беглецам. Неужели заметили? Не должны: далеко, и здесь трава высокая.

Оглядев окрестности, наемники расселись по машинам и укатили. Астрахан вытер пот. Можно сказать, пронесло.

– Бро, чего это они? Ладно, один псих, так их же толпа! Что это было-то? – прошептал Момент.

– Наезд. – Данила проводил взглядом микроавтобусы, сел и сплюнул. – Наезд Ловчего клуба. По-моему, это конец. Прошло время одиночек. Либо я под Ловчим клубом, либо с камнем на шее, и жрут меня рыбы. А третьего не дано.

Момент длинно и витиевато выругался, Данила продолжил:

– С этим чертом, Мансуровым, я служил, меня чуть не пристрелили по его вине, – он провел пальцами по шраму на лице. – Сейчас он, видимо, в Ловчий клуб подался, а клуб-то под МАСом. Жаль, раньше его не грохнул, а хотелось, ох как хотелось! И ведь мог!

– Да это я догнал, бро, я не догнал – добычу куда? – не унимался Момент.

– Барыг, видишь, щемят – опасно им сейчас работать. Наверняка большинство уже знает, что облавы начались, разбежались и залегли кто где. Теперь недели две-три никто носа не высунет...

– А железа моментом протухнет!

– Не успеет, – Данила вынул сигарету из пачки, щелкнул зажигалкой, затянулся и встал. – Придется папаше за бесценку отдавать. Давай завезем тебя домой, а потом я сразу к нему поеду. Он по-любому меня в гости приглашал.

– Но дальше-то что? – обиженно бормотал семенящий следом Момент. – Я ж тоже в некотором роде одиночка, правда, несколько другой специализации.

Данила прямо ответил, что дальше. Валить надо. Но куда? С каждым месяцем все больше одиночек уходят в клуб, а там свои порядки, жесткий график, новичкам неделями приходится очереди ждать и отстегивать некий процент за лицензию на отлов. Из желез вытягивают биотин, который продают за миллионы и замороженным местным буржуям, и на запад, а те, кто, рискуя жизнью, валит хамелеонов, имеют копейки. И раньше было несладко, а теперь вообще жизни нет. Скоро медосмотр заставят проходить.

Районы, прилегающие к Сектору, представляли собой зрелище жалкое: дворы загажены, штукатурка на домах облупилась, асфальт растрескался. В песочнице, поросшей травой, играли смуглые дети. Местные стараются переселиться подальше от Сектора, на юг, здесь же – рассадник гастарбайтеров. Нищета, убогость... И с питьевой водой напряженка: центр Сектора как раз на Московское море пришелся.

Данила сжал кулаки. Хрен вам! Лучше свернуть себе шею на задании или поймать пулю, чем всю жизнь ползать на брюхе.

Частника с машиной нашли возле рынка, превращенного в восточный базар. Насилу от назойливых торгашей отбились. Плюхнувшись на заднее сиденье такси, Данила назвал адрес Момент.

* * *

Объясняясь с вахтером, таким же помпезным, как новостройка, где обосновался папаша, Данила скрипел зубами и тихо себя ненавидел. Ненавидел пальмы и фикусы в подъезде, и картины, и проходящую мимо девушку – ухоженную, с гладким-прегладким личиком, с глазками жадными и цепкими. На зарвавшегося вахтера Данила старался не смотреть, разглядывал себя

в огромном зеркале с золоченой рамой – боевой дворовый кот на выставке породистых: камуфляжные штаны заправлены в заляпанные грязью берцы, на майке – оскалившаяся химера, шрам на скуле, сломанный нос с заметной горбинкой, стылый взгляд. Сам бы такого не впустил, слишком волчье лицо, хищные глаза. От человека с такой внешностью ожидаешь, что он и поведет себя соответственно: почуял добычу, раздул ноздри, взял след, догнал, свалил на землю, впился зубами в глотку...

Поглядывая с пренебрежением, вахтер таки дал добро.

Папаша жил на седьмом этаже. Покидая сверкающий сталью и подсветками лифт, Данила поправил берцами стерильно чистый ковролин, зеленый, под цвет майской травы, и со всей накопившейся злостью затарабанил в дверь. Звонком он не пользовался принципиально.

– Подожди, – прозвучал недовольный папашин голос.

Данила скрестил руки на груди. Щелкнула соседняя дверь, вышла пара: холеный мужчина в пиджаке и блондинка в облегающем черном платье. При виде Данилы дама свела брови у переносицы и взяла кавалера под руку. Они побыстрее ретировались.

Наконец, любимый папочка открыл дверь, огладил черную седеющую эспаньолку и поджал тонкие губы. Кутаясь в рыжий махровый халат, буркнул приветствие и прошлепал в кухню. Данила, не разуваясь, направился за ним. В кухне пила кофе девица лет семнадцати, оценивающе оглядела Данилу и поправила соскользнувшую на плечо бретельку – грудь призывно колыхнулась под белым шелком, закинула ногу на ногу и улыбнулась, демонстрируя безупречность длинных ног. Старый хрыч по-прежнему бодр и не отказывает себе в удовольствиях.

Папаша зыркнул на нее:

– Танюша, тебе пора.

Она пожала плечиками, неспешно поднялась и, виляя бедрами, направилась в спальню.

– У тебя десять минут на сборы, – поторопил папаша.

– У меня дело. – Данила положил контейнер на стол черного стекла. – Возьмешь?

– Вечно ты не вовремя. Я же просил вечером... Дай поесть.

Тарас Петрович Астрахан уселся, демонстративно не замечая сына, принялся поедать тушеную рыбу с овощами наверняка без соли и приправ. Отхлебнул красного вина из бокала на тонкой ножке, крикнул. Данила оседлал стул, облокотился на спинку, оглядел сверкающую чистотой кухню: коллекцию коньяка, выставленную в баре, бесконечные рюмки, висящие кверху ножками, всевозможные крючки, полки, напоминающие фрагменты космического корабля, поднялся и полез в хромированный холодильник.

Там не было ничего съедобного, кроме силоса. Папаша брезговал фаст-фудом, не употреблял жирного и копченого. Отыскав кусок сыра, Данила плеснул себе вина, выпил залпом, закусил сыром.

– Не компостируй мозги. Берешь, нет?

Папаша неспешно прожевал, прищурился.

– Свербит у тебя, что ли? Сиди, отдыхай в тепле, в уюте... Да не зыркай волком! Беру. По-родственному, так сказать. Двадцать тысяч.

Данила встал. Сгреб контейнер, криво улыбаясь, с трудом подавляя желание врезать родителю. Сегодня ему весь день хотелось кого-нибудь прикончить.

– Иди на хрен, я лучше это в сортир спущу.

И зашагал в вышеуказанное место.

– Стой! – рыкнул отец, превращаясь из желчного молодящегося старикана в хищника. – Придурок психованный!

Переворачивая стул, он бросился наперерез, схватил Данилу за руку и прошипел:

– Хватит меня подставлять! Как тогда, в парикмахерской... Девка уйдет – и поговорим.

У меня к тебе предложение.

Данила с брезгливостью освободил руку. Вот уж повезло с родителем! Была бы у папаша возможность, пустил бы единственного сына на опыты и не любимой науки ради, а обогащения для. Доверия к нему у Данилы не было лет с пяти, и с каждым годом он все больше убеждался: родитель его – крыса, к старости крысиность в его сущности только преумножалась и концентрировалась. Ничем не брезговал старый хрыч.

Данила передумал спускать добычу в унитаз, он слишком хорошо знал отца: сейчас его вечно прищуренные черные глаза горели, значит, пахнет деньгами. Большими деньгами.

Из спальни выскользнула девушка, помахала папаше и послала воздушный поцелуй.

– Иди уже, – проворчал тот, завел руки за спину и, выпятив подбородок, прошествовал в кухню.

Астрахан-младший занял свое место у окна, выпил вина из горлышка и устался на родителя.

– Только давай без пафоса, Тарас Григорьевич. Сразу к делу.

– Пять миллионов. Не рублей, – вкрадчиво улыбнулся родитель и подался вперед.

Данила пошевелил бровями, услышав такую невероятную цифру, ничего не сказал и скрестил руки на груди. Папаша продолжил:

– И можно уходить из профессии, вольным ловчим совсем гайки закрутили, раз ты заявился ко мне железу скинуть. Это только начало, поверь мне. МАС решил заняться вами действительно всерьез. И вами, и свободными проводниками...

– К делу, к делу ближе, неубедительно вербуешь, – поморщился Данила.

– Уедешь в свой Рио или куда ты там хочешь и будешь мажорить. Я не шучу, цена вопроса – пять миллионов. Теперь тебе придется послушать и потерпеть. Примерно там, где сейчас центр Сектора, раньше был научно-исследовательский институт, проводились сложные и дорогостоящие эксперименты, теперь НИИ накрыто Глубью. Не кривись, я знаю, что говорю, вся информация проверенная. Так вот, – родитель причмокнул, – эксперимент, который, судя по всему, и спровоцировал появление Сектора, записывался на носитель, будем называть его «черным ящиком». Мне нужен этот «черный ящик».

Данила снова приложился к горлышку бутылки и постарался сделать равнодушный вид, но в его сознании плясали беспорядочные картины. Собственный клуб... Два спортзала, тир, на первом этаже – боулинг... бильярд... И свалить в Мексику. Нет, лучше – в Бразилию. Туда, где не запрещен огнестрел. «Очнись! – напомнил о себе здравый смысл. – Хватит бредить!» Данила тягостно вздохнул и сказал:

– Нереально. Я – ловец, работаю перед Барьером. Сектор – не моя специализация, самостоятельно я там долго не продержусь.

– Но у тебя есть проводник. Лучший из проводников, это раз. Два – у меня есть человек, который ближе к Глуби начнет чувствовать искажения, но она слишком неопытна, сама туда не дойдет... Зато она – молодой ученый, поможет ящик отыскать, а то ты и не узнаешь его.

– Она? – возмутился Данила. – Ты из ума выжил? Бабу тащить в Сектор?

Папаша пропустил реплику мимо ушей и продолжал:

– И три – тебе я более-менее доверяю, простимулированный материально, ты к делу подойдешь ответственно. Итак, я даю деньги, оружие и пропуск в Сектор, ты берешь моих людей и женщину, со своим проводником идешь в Сектор и приносишь «черный ящик», получаешь деньги... И безбедно доживаешь свою никчемную жизнь. Здесь тебя прихлопнут скорее рано, чем поздно.

– Раз: что за баба и зачем она нужна? Два: в центр Сектора теоретически проникнуть можно, но там же Глубь, а я жить люблю.

– Женщина обладает удивительным свойством уходить от опасности, уж поверь мне. Она – самый ценный член экспедиции. Здесь, в городе, и потом, сразу за Барьером, она почти бесполезна... А вот ближе к Глуби ее способности возрастут. Если потеряешь ее – накрылись

наши денежки, и я с тебя шкуру живьем спущу, не посмотрю, что ты мой сын. Сам не дотянусь, так МАС, которое все это спонсирует, мне поможет.

Воцарилось молчание. Пять миллионов – заманчивое предложение. Но связываться с МАСом...

Папаша прервал молчание:

– Можешь, конечно, еще подумать, но смысла нет. Чем раньше приступишь, тем скорее получишь деньги.

– Ладно, тогда говори, что это за «твои люди», сколько их? Неплохо бы нас познакомить заранее, если нам работать вместе.

– Такой подход мне нравится! – Папаша широко улыбнулся.

Сотрудники НИИ за глаза, шепотом называли Тараса Астрахана Лукавым и были недалеки от истины. Сейчас Астрахану-младшему казалось, что он продает душу дьяволу. Допустим, найдет он «черный ящик», но где гарантии, что его не пристрелят и не отберут добычу? Папаша ради денег сам его сольет. Но говорить об этом Данила не стал – смысла не видел. Как подстраховаться, он придумает, мозги и опыт имеются.

– Даешь аванс, знакомишь с людьми, и завтра мы приступаем.

– Отлично! – Папаша потер руки. – Идем в кабинет. Уверен, твой проводник согласится, а уж сколько ему платить, сам решишь. Мои люди – наемники, проверенные ребята. Будут охранять Марину.

Значит, девушка – Марина. Оказывается, заботливый родитель уже подготовил все документы: пропуск на территорию воинской части, где Даниле предстояло вооружить команду, доверенность на «УАЗ Патриот» и пачку тысячных купюр.

– Тут двести тысяч нашими на мелкие расходы, пересчитай.

– Мало, – проговорил Данила, рассовывая пачки по карманам. – Двести тысяч нерублей положи мне на счет, не меньше. Тогда уже не отвертись.

– А вдруг ты завтра слинять решишь?

– Ты меня знаешь: не решу. И ты, если деньги положишь, никуда уже не денешься. Без задатка не возьмусь.

– Ну стервец! Ладно, через час сто тысяч капнут тебе на счет. Сто тысяч, не больше! Проверишь – убедишься. Все расходы оплачивает МАС, ты уж вооружись как следует. Когда выступите?

– Завтра вечером.

– Хорошо, но не позже. У наемников есть твои контакты. Люди опытные, уж поверь, телохранители, трое их, вместе не первый раз работают. Но ты – главный. Не подведи.

Уходил Данила ошарашенный. Пять миллионов! Слишком заманчиво, чтобы быть правдой. Слишком уж сладкоголосым соловьем заливался папаша. Но почему бы не рискнуть за такой-то куш?

По пути к Моменту он уже мысленно пересчитывал деньги, нежась на шезлонге где-нибудь на Кубе, и одновременно искал способ перестраховаться. И заранее представлял себе все прелести Сектора, в которые уже завтра предстояло окунуться с головой. Не то чтобы Данила боялся Сектора – не доверял, чужое оно, и потому биотином ни разу не пользовался: ничего не дается просто так. Если человек вводит в себя вещество, которое замедляет старение и увеличивает защитные свойства организма, то чем придется платить? Субстанция-то очень непонятная. *Чуждая*.

Вспомнился хамелеон-химера. Если бы богатеи его видели, то десять раз подумали, прежде чем использовать вытяжку из этих тварей. Мало ли что с организмом будет потом.

Закатное солнце отражалось в окнах папашинной высотки, красило золотом сверкающий металл перекрытий, по-июньски свежий ветерок колыхал листья лип, со стороны вечно гудящей трассы тянуло гарью.

А жизнь-то налаживается! Данила, сдержанно улыбнувшись, набрал Момент – единственного человека на свете, которому он доверял.

– Да, – буркнул тот.

– Слушай, тут срочное дело, я еду к тебе с предложением, от которого ты не сможешь отказаться.

Чем ближе Астрахан подъезжал к дому проводника, тем меньше верил в папашины слова. Открывая дверь, он был уверен, что Момент его пошлет куда подальше.

С лаем бросился на шею Зулус, принялся вылизывать щеки, скулить, будто пес что-то чувствовал, предупредить пытался. Данила понимал, что ввязался в опасную игру, но решил идти до конца.

Наклонился, потрепал пса за ухо.

– Заходи, – сказал Момент с порога, потянулся и зевнул. – Чё с лицом-то у тебя? Прозвело как-то...

– В доме расскажу. Очень подозрительное, но денежное дело.

Лицо Момент вытянулось, он тряхнул дредами:

– Ну идем.

– В принципе я все решил, просто интересно твое мнение, – говорил Данила на ходу, переступая через все те же мусорные пакеты.

Зулус остался за дверью и басовито обиженно таявал.

В доме Момент более-менее обитаемой была спальня. Умостив тощий зад на кресле, хозяин хлопнул себя по ляжкам:

– Излагай!

Иван жалобно скрипнул пружинами. Поглядев на выцветший плакат с полуголой певичкой, видимо, оставшийся с прошлого века, Данила заговорил, стараясь не упустить деталей, но умолчать о сумме, озвученной папашей.

С каждым словом лицо Момент вытягивалось все больше и больше, он покусывал губы и чесался, алчно впитывая информацию. Закончил Астрахан словами:

– Отсюда вопрос: согласен провести меня в Сектор? Деньги, Гена, много денег, помни о них.

Данила ожидал, что Момент не поверит и начнет ржать, но тот оставался спокойным и, усваивая инфу, некоторое время молчал.

– «Черный ящик», говоришь? Как-то это подозрительно пахнет... Но, говоришь, твой отец очень заинтересован в «черном ящике»...

– Это, скорее, МАС заинтересовано. Представляешь, какие для них открываются перспективы? Если считать все данные про тот эксперимент, можно повторить его в другом месте, создать еще один Сектор и косить капусту.

– Что-то тут не так... Пытаюсь понять – не могу, – Момент потер переносицу, потом поскреб в затылке, стимулируя извилину. – Батяня твой на МАС работает, почему он нанял тебя, а не кого-то из МАСа, что, там мало тренированных и обученных? А что воспылал любовью к сыну, верится с трудом. Как там его называют...

– Янус, – напомнил Данила. – Но чаще Лукавым.

– Янус, ага. Потому что двуликий? Не-е, папаня твой – многоликий, всем Янусам Янус. Играет, короче, в свои хитрые игры профессор Янус, помяни моё слово!

– Это понятно, что играет. Так что ты решил?

Гена Момент широко улыбнулся:

– Эххх... Сколько-сколько там лимонов, говоришь? Да плевать, что с душком дело. Выкрутимся, но, бро, это ж мечта! МЕЧТА!!! Конечно, я берусь! Давно уже Сектор не топтал, скоро навыки утрачивать начну. Побудем, значит, наемниками, поработаем на больших дядь.

Давайте-ка обсудим все подробнее... Денег, говоришь, отсыпал на расходы? За-ши-бись! Мы еще ни черта не сделали, а уже бонусы!

Глава 2

Пятнадцать лет назад, когда возник Сектор, – хотя даже само слово «возник» было предметом споров, одни почему-то говорили, что Сектор «упал», другие – «развернулся», а некоторые, особо одаренные, полагали, что «переместился». Так вот, когда большой кусок Подмосковья и Тверской области стал одной гигантской аномалией, никто не знал, как себя вести.

Поэтому разбираться с Сектором поручили армии. Министерства по аномальным ситуациям, МАС, которое сейчас заправляло всем в Секторе и даже военными командовало, тогда еще не было.

Армия – единственная организация, способная действовать.

А почему? А потому что в армии есть Устав. А когда есть Устав, понимать и не надо.

Надо исполнять.

По Уставу Сектор обнесли забором из бетонных плит, поверх которого пустили колючую проволоку в два витка. По Уставу построили КПП с полосатыми шлагбаумами. Блокпосты с бетонными огневыми точками. Вышки с прожекторами и пулеметами. Казармы для личного состава. Гаражи для бронетехники.

И склады.

Склады с тушенкой и перловой крупой. Склады с обмундированием. Склады с запчастями. Склады с оружием...

Именно на оружейный склад и направились Данила с Генкой Моментом. С бумагами, выправленными Астраханом-старшим, это было похоже на визит двух подростков в бесплатный магазин игрушек. Глаза разбегались.

Оружия за пятнадцать лет вокруг Сектора накопилось много. Очень много.

Это был такой безусловный рефлекс армейского начальства: не знаешь, что делать, – стреляй. Когда стало понятно, что стрелять по искажениям – занятие бессмысленное, а мутантов и прочее зверье гораздо эффективнее отлавливают мобильные группы охотников, чем роты пехоты, оружия на складах накопилось столько, что его было невыгодно отправлять обратно.

Да и не любит армейское начальство признавать свои ошибки...

Так и получилось: армия охраняла Барьер и поставляла в Сектор эшелоны штрафников, а Министерство по аномальным ситуациям вело разработки, засылало проводников и подманило под себя вольных ловчих, следопытов и охотников.

Для своей основной работы – отлову хамелеонов – Даниле вполне хватало обрезка охотничьего ружья двенадцатого калибра и электрошокера. Обрез вообще штука гениальная в своей простоте: клинить там нечему, прятать его легко, боеприпасы можно использовать разнообразнейшие: от дробы и картечи до жаканов и «резаных» патронов, да и стоит обрез сущие копейки – не жалко потерять в пылу погони. Правда, перезаряжать долго – ну так целиться надо, перед тем как выстрелить.

Нет, обрез в ближнем бою – это здорово. Но для серьезной экспедиции в Глубь, на Остров, нужно было что-то покруче.

Пока Момент с блаженной улыбкой шарился между стеллажами и любовно поглаживал вороненые стволы, а насупленный прапорщик читал, шевеля губами, сопроводительные документы, Данила мысленно набросал «список покупок».

Итак, оружие... АК-103, проверенный и привычный аппарат, верой и правдой служивший Даниле в армии. Вместо двустволки – «моссберг-500», помповое ружье с pistolетной рукояткой и без приклада, удобно носить на спине. Как говорится, «для близких контактов».

Pistolет. Против большинства тварей Сектора штука в общем-то бессмысленная, но ведь среди потенциальных противников будут и люди. А pistolет – это такая штука, которую лучше иметь, когда она не нужна, чем не иметь, когда она понадобится.

Предложенный прапорщиком «ярыгин» Данила забраковал, как и «пернач», остановив свой выбор на «стриже» под натовский патрон 9*19. Он бы выбрал «глок» или «зиг-зауэр» сорокового калибра, но с импортными стволами в российской армии было туго.

Теперь бойцам, которыми пообещал снабдить папаша. Ну, тут все просто. Все трое в армии служили, с «калашами» управятся. АКМС с деревянным цевьем, хрен знает, какого года выпуска – дешево и сердито.

Гена, любитель экзотики во всем, выбрал себе «грозу» с подствольником (на фига ему подствольник?) и малокалиберный ПСМ, дамскую игрушку из разряда «только застрелиться».

Дамочка эта, Марина... Давать ей огнестрел в руки не хотелось, но и брать с собой в Сектор невооруженного человека было неправильно. Каждый должен иметь возможность себя защитить. Или покончить с собой, вляпавшись в цепень или кисель. Поэтому для Марины Данила выбрал самый обычный пистолет Макарова. Научится стрелять из ПМа – сможет стрелять из чего угодно.

Патроны – по два цинка на рыло. Запасные магазины – по восемь штук для «калшей» (четыре спарки по два магазина), по три – для пистолетов. Гранаты. Теперь снаряга.

Стандартные армейские разгрузки-лифчики – нет, спасибо. Взять жилет-платформу с системой «молле» (не прошло и тридцати лет, как российская армия освоила буржуйскую схему) и подсумки. Не забыть патронташ для патронов двенадцатого калибра и наспинный чехол для «моссберга». Кобуру – набедренную, открытую.

Ножны на грудь. Вместо убожества под названием «штык-нож для АК» – самую обычную финку «мора-2000», лучше ножа для леса не существует. Да, сталь мягкая. Но можно заточить об любой камень. И ручка удобная, не скользит.

Пять стандартных армейских аптечек. Фляги, таблетки для очистки воды, гидрационные системы «кэмелбэк». Сухой паек на десять дней.

В принципе больше ничего из закровов родной армии Даниле было не надо.

Подмахнув все необходимые бумажки – черт, до чего ж приятно, когда МАС оплачивает все счета! – и загрузив весь арсенал в багажник, Данила с Генкой отправились в магазин спортивного и туристического снаряжения. Тут пришлось вынимать пачку наличных, выделенных отцом «на мелкие расходы».

Расходы оказались не такими уж и мелкими...

Как это обычно бывает, обвес на оружие стоил почти столько же, как и само оружие.

Планки Пикатинни. Сменная ручка управления огнем на АК-103. Тактические фонари. Коллиматорные прицелы. Приборы ночного видения. Лазерные целеуказатели. ПББС – прибор бесшумной беспламенной стрельбы, в просторечии глушитель...

И это только на оружие – чтобы превратить «Калашников» и «грозу» в нечто, напоминающее бластер из фантастического фильма. Однако воевать с этими финтифлюшками реально удобнее...

Теперь снаряжение. По мелочам: бинокли, рации, двадцать метров веревки. Две скалолазные системы. Фонари ручные и налобники, химические факелы.

Основной груз: надувная лодка «зодиак» с крошечным, но мощным мотором и парой складных весел. Две легкие палатки. И пять огромных рюкзаков, чтобы все это переть на себе. Еще один рюкзачок, поменьше – для Марины.

Все?

Все.

Можно выдвигаться к месту встречи. Момент со снарягой Данила отпустил – Гене нужно было заехать домой, Эльзу забрать и отдать на передержку (щенок-чудовищ Момент решил просто выставить на улицу – авось, сдохнут), а потом уже он подъедет к месту встречи.

Даниле же нужно было встретиться с отцом, чтобы забрать пропуск в Сектор.

* * *

Сегодня помпезный вахтер не стал придирается к нему – запомнил, впустил сразу. Поднявшись на этаж отца, Астрахан собрался уже постучать, но заметил, что дверь в «холостяцкое гнездышко» приоткрыта. Обозвав себя идиотом (нужно было хотя бы пистолет из арсенала прихватить!), он вытащил шокер, с которым никогда не расставался, и толкнул тяжелую металлическую створку. В прихожей на полу валялись сорванные с вешалок вещи, Данила, не жалея шмотье, прошел прямо по нему.

Звать отца он не стал.

Заглянул в кухню – битое стекло, табурет валяется вверх ногами, перевернутый на бок холодильник, распахнутая дверца, продукты посыпались, молоко пролилось.

Никого.

Дальше по коридору – спальня. Дверь нараспашку, шкаф выпотрошен, подушки и матрас вспороты. Такое чувство, что напавшие не обыскивали квартиру, а целенаправленно создавали картину обыска.

А вот дверь в кабинет сорвали с петель. Наверное, отец закрылся там... Данила зажмурился, сосчитал до десяти. Он знал, что увидит: труп отца на ковре, залитом красным. Раскиданные книги. Вытряхнутые ящики стола. Разбитый монитор.

Трупа не было, но остальное присутствовало, и беспорядок превзошел самые смелые ожидания: если в кабинете запереть небольшой, но энергичный смерч этак на полчаса, обстановка получилась бы похожая. Книги действительно раскидали, часть выпотрошили, монитор скинули со стола вместе со всеми безделушками и канцелярскими принадлежностями. Системного блока не было. Ноутбук валялся рядом, Данила нагнулся, поднял: ноутбук не разобрали даже – раскурочили, выдрали хард... Зачем? Можно было всю машинку унести.

Отсутствовали все диски, флешки, даже старые видеокассеты – отец хранил их, на некоторых – маленький Даня в садике и школе, на некоторых – свадьбы родственников и друзей, корпоративы, поездки на пикник.

Никто не пересматривал записи, пленка, наверное, давно осыпалась, но перегонять в цифру отец не пытался. Просто хранил кассеты – память о прошлой жизни.

Данила обыскал кабинет в надежде, что напавшие чего-то не заметили. Отец должен был предупредить! Это должно быть место, известное им обоим. Например, под ковром. Они играли в детстве в «холодно-горячо», и отец так и не нашел умело спрятанную расческу. Данила поднял один край ковролина: ничего, а вот под другим его ждала записка. Торопливый почерк ученого, ручка не автоматическая, а перьевая:

«Сын! Встретимся в Секторе, в конце пути. Уговор в силе. Приведи ее».

Вот так. Отец знал, что за ним придут. «Уговор в силе» – это как он платить собирается, с чего?

Елки, но кто обыскал квартиру? Видимо, прав Момент: Лукавый играл в какие-то свои лукавые игры и доигрался.

Данила достал сигареты, закурил; пепельницы у отца не было, пришлось стряхивать пепел в коньячный бокал.

Министерство аномальных ситуаций отвечает за все, что связано с Сектором, им напрямую подчиняются даже некоторые военные подразделения и научно-исследовательские центры наподобие того, в котором работал папаша. Так кто мог напасть на отца? Квартиру обыскивали не профессионалы, а торопливые дилетанты-энтузиасты. Значит, не МАС? Нет, не значит: МАС могло нанять бандитов, масовцы могли специально так «наследить», чтобы сбить Данилу с толку.

Но зачем им это? И кто еще мог вторгнуться сюда? И если отец предвидел это (а он предвидел – судя по записке), то как он намеревается выкрутиться, сбежать?

Ладно, пустое. Судьба старого прощелыги, конечно, Данилу волновала, но сейчас важно было другое: пять лимонов уплывали из рук, и мечта расплывалась миражем. Плакали денежки!

Спокойствие, только спокойствие. Вероятно, папаша крутил свои делишки без ведома МАС, зарвался, и МАС из стана «заказчика и друга» перешло в разряд потенциальных врагов, но правительство – не единственная сила в России. Заказ от МАС сорвался, но ведь его можно перепродать, в конце концов, теперь ясно, что есть черный ящик, который позарез нужен министерству, а значит, может заинтересовать кое-кого еще. Ну, будет не пять миллионов, а три... да хоть один! Этого хватит. Никто не имеет права отнимать у человека мечту!

Данила сел в отцовское кресло, закинул ноги на стол и вытащил мобильник. Был у него телефон одного человека, неприятного, но, что поделать, необходимого.

Его звали Дон – вот так просто. Иногда прибавляли «Тихий» – Дон не любил огласки. Времена новых русских и мафиозных разборок давно прошли, олигархи пролезли в правительство и назывались теперь Думой, но Дон остался верен идее. Дону не нужна была легализация, он предпочитал действовать самостоятельно.

Любой вольный ловец, любой проводник-одиночка знал: если у тебя что-то ценное, если у тебя контры с МАСом, если срочно нужны деньги, оружие – иди к Дону. Его люди скупали железы по цене выше официальной, выправляли подложные документы, снабжали хоть танками, хоть гранатами, наверное, и ядерную бомбу можно было у них купить.

Рядовые трудяги Сектора не могли прямо выйти на Дона, но Данила уже с ним работал. Один раз – когда Астрахана подставил крупный сотрудник МАСа, и он пытался доказать властям, что не дезертир и не убийца, второй – когда довелось спасти Тихого Дона от наглого хамелеона: тварь, похоже, недавно выбралась из Сектора, пролезла в поместье Дона и приняла облик его любимой собаки. Хамелеоны любят притворяться собаками, но в облике иногда появляется неправильность, хорошо заметная, вроде чешуи на хвосте, перепонки на пятой лапе или свиного пятака. Этот, видимо, был хитрым и использовал только один генетический код.

И превратился в Тирана, лохматого и злющего кавказца.

Не подавился же. Только несколько костей прикопал в вольере...

Сходство было потрясающим, не отличишь. А вместе с фенотипом хамелеон приобрел некоторые пристрастия. То есть стал хищником.

Будь он менее осторожен, прояви себя раньше – все обошлось бы малой кровью. Но хамелеон начал с прислуги, а гастарбайтеров, как известно, никто не считает. При этом трансформироваться в антропоморфа тварь почему-то не спешила.

Несколько недель хамелеон питался, управляющий поместьем нанимал новых слуг и ругался на безответственных приезжих. Хамелеон успел сожрать десять взрослых, трех комнатных собак, пару кошек... А потом ему не повезло. Мимо поместья шли Данила с Зулусом. Гуляли просто.

Зулус сделал стойку. Ловчий вытащил шокер и отправился объясняться с охраной. Начальник охраны все обдумал и позвал Дона. Тот дал «добро», и Зулус потащил хозяина к вольеру Тирана, надрываясь, хрипя, скаля зубы.

Стрелять в любимую собаку Дон не позволил бы. Но у хамелеона сдали нервы (фигурально выражаясь, конечно, нервной ткани у него не было), и тварь попыталась отрастить сперва когти, потом крылья... Тут ему и пришел бесславный конец. А Дон пригласил ловчего на чашку кофе и еще раз заверил в своей дружбе.

Данила затушил очередную сигарету в стакане и позвонил Дону.

* * *

В вольере играл щенок кавказской овчарки. Лохматый, толстолапый. Дон любовался кутенком, уперев руки в боки, так, чтобы полы кожаного пиджака разошлись.

Данила молча постоял рядом, делая вид, что одобряет преемника Тирана.

– Ну? – спросил Тихий и повернулся к нему.

Тонкий джемпер, черная кожа пиджака, брюки со «стрелками», остроносые туфли. Под пиджаком – кобура. Волосы с проседью, тонкий горбатый нос, слегка отвисшие щеки. Кавказец, косящий под итальянца, среднего роста, с Данилу, такой же жилистый. Обаятельный.

Астрахан решил не ходить вокруг да около, а выложить все, совсем все: и про «черный ящик», и про девушку-ученого, и про отца.

Дон слушал молча, смотрел снова на щенка и слегка улыбался. «Откажет, – решил Данила. – Или пристрелит».

– Хорошо, – сказал Дон, когда он закончил. – Я понял тебя. Тебе нужно за Барьер, у тебя полная машина оружия, и ты не знаешь, можешь им владеть или МАСовцы уже выехали. Я все понял. Не понял только – при чем тут я?

Данила потер подбородок и глянул на Дона с деланным удивлением.

– Думал, тебя заинтересует «черный ящик». МАС за него пять лимонов платило, но, похоже, они слились, а у меня все есть – и проводник, и координаты. Я хочу перепродать тебе заказ и пришел узнать, сколько заплатишь.

– Деньги всем нужны, – вздохнул Дон. – А у меня трудные времена, все сложнее железу получать, моих людей трусят...

– Сколько?

– Двести тысяч.

Данила хмыкнул, покачал головой:

– Не, столько мне папаша авансом дал. Ты представляешь, куда я собираюсь сунуться? За копейки рисковать нет резона. Мы друг друга не поняли. Извини, что отвлек, – Данила направился к выходу.

– Лимон, – бросил Дон вдогонку, и от волнения в его голосе прорезался акцент.

– Три, – обернулся Данила, останавливаясь.

Глаза Дона хищно блеснули:

– Полтора, больше точно не дам.

– Поимей совесть, Дон. Я тебе предлагаю такую вещь! Да ты свой собственный Сектор сделаешь с помощью «черного ящика» и денег на нем заработаешь немерено. Не, за полтора лимона в петлю не полез. Два с половиной.

– Два, и больше не торгуюсь, – припечатал Дон.

Данила, шагнув назад, протянул руку:

– Идет. Только не пытайся меня кидать, я перестраховуюсь, ты ж меня знаешь. Взорву просто этот ящик, если что.

– Не напрягай, ловчий. Я скажу, где пройти через Барьер. Узнаю, не поймало ли МАС еще эту женщину, с которой вы должны были туда идти. И заплачу, когда ты вернешься. Даже... да, пожалуй, даже дам тебе аванс. Но не пытайся и ты обмануть меня, Данила Тарасович. Не сдавай информацию в обход меня МАСу и не ищи себе другого хозяина. Будет плохо.

– У меня нет хозяев, – отрезал Данила. – У меня бывают заказчики.

– Вольный? Мало вас, вольных наемников, осталось, МАС всех переловило. Хорошо. Пойдем, покажу карту.

Вслед за хозяином Данила вошел в дом.

* * *

Здание Ловчего клуба – бывший подмосковный ДК еще советской постройки – облагородили, как могли, силами ловцов и проводников. Алан Мансуров выпрыгнул из машины, отпустил бойцов (все равно дальше Клуба не уйдут, засядут в первой комнате: карты, пиво, сигареты). Стены здесь были размазаны граффити, встречались и надписи, и картины, например, мерзейшего вида антропоморфный хамелеон: кожа зеленая, рожа прыщавая, ручки загребушие, здоровенные, и подпись: «Дон». Любят ловцы Тихого Дона, уважают...

На фронтоне рисунков нет. Белый фон, черным – некрологи.

Цыган! Ты был мужиком. Мягкой тебе Глуби!

Альбинос, 10.10.1990-11.06.2020 – помним.

Химик, Пригоршня, Курортник, Лабус! Мы верим, что вы живы! Сага еще не кончена!

Леке и Артур ушли в Глубь. 26.04.2025 Венда! Кто бы ты ни был – живи!

Прозвища, прозвища, прозвища... Сектор отнимает у человека сначала имя, а потом и жизнь. Шейх с минуты читал некрологи, желая Астрахану сгинуть в Секторе, потом потянул скрипучую дверь и вошел.

Он пересек первый зал, полутемный, прокуренный, – играла тяжелая музыка, слышались возбужденные голоса – и, кивнув охраннику, попал в кабинет руководства клуба. Здесь на стенах висели графики и старые плакаты, посвященные охоте, видное место над столом директора занимала репродукция «Охотников на привале» Перова. Художник постарался: вместо обычной дичи весьма реалистично намалевал дохлого хамелеона-ежа.

Директор, толстенький, маленький, глянул на Шейха поверх очков:

– Задержал?

– Ушел. – Шейх не любил рассказывать о поражениях.

– Это плохо. Ну ничего, ты его догонишь. В Секторе и догонишь.

Шейх не стал переспрашивать – сейчас сам все объяснит, сморчок гражданский. Любит директор бахвалиться своим умом, не столь уж и великим.

– Потому что, Алан, – поставив ударение в имени неправильно, на английский манер, продолжил директор, – поступила к нам новая информация из министерства: Астрахан идет в Сектор, и надо его перехватить. С ним женщина. Астрахана хоть убей, хоть съешь, а женщину приведи обратно. Кстати, там где-то в Секторе старший Астрахан скрылся, профессор наш, и если попытается выйти на контакт с сыном – его тоже надо взять живым и вернуть сюда. Уяснил боевую задачу?

– Нет. Почему их раньше не перехватили, на Барьере? Откуда информация у МАСа? И как я пойду в Сектор, если я там ни разу не был?

– Откуда информация... От профессора, он на МАС работал да что-то начудил, не нашего ума это дело. И Астрахан твой ненаглядный должен был в Глубь на деньги МАС идти, да, видишь, изменилась ситуация. А теперь уже не поймает его с ходу, ушел. Причем ушел вместе с тремя людьми, которых для него нашел отец, с наемниками. Поэтому дам я тебе проводников, бойцов наших – тоже наемников, у них контракт с клубом недавно, новая бригада. Технику – по запросу. А МАС даст полномочия. Ну?

– Сколько?

– Не обидим. – Директор поморщился, он, жадная тварь, считал, что все, кроме него, должны работать бесплатно. – Скажем, двести тысяч. Долларов. Устроит? Кстати, среди людей, которых нашел профессор в помощь сыну, у МАСа есть информатор.

– Не понял, – нахмурился Шейх. – Так почему он не сбросил координаты, да хоть через эсэмэску, и министерство не послало выездную бригаду накрыть Астрахана с остальными еще до того, как те Барьер пересекли?

Директор развел руками.

– Это ты руководству МАСа вопрос задай. Или их информатору – что у них там не спилось? Возможно, МАС так с ходу не хотело его светить, может, хотело узнать, что профессор

затеял на самом деле. А теперь вот выяснилось, что реальных целей профессора не знает даже его сын, и был дан приказ их всех брать, но они уже в Секторе... Так что решил, Алан?

Двести тысяч долларов, полномочия и возможность спустить с Астрахана шкуру? Это не деловое предложение – это подарок судьбы! Пусть даже идти придется с незнакомыми, не проверенными в деле людьми. Шейх сделал вид, что сомневается, прикидывает... И согласился.

* * *

Момент и Данила ждали Марину с сопровождающими, сидя в «патриоте». Вечерело, предзакатный свет золотил обочину и асфальт. Момент опустил стекло. Пели птицы, звенели комары, и слышно было, как гудит двигатель. Он достал «корабль», бумагу и принялся сворачивать самокрутку.

– Не нужно, – сказал Данила. – Мы на задании.

– Да брось, бро. Я моментом в себя прихожу. А в Сектор вообще по обкурке только лучше, точка сборки смещается, реальность начинаешь по-другому видеть, искажения всякие.

– Нам с боем прорываться.

– Да ладно тебе, бро! Что, я туда по разрешению хожу? Тихо пролезем, подальше от Барьера отойдем – и хорошо. И дырку эту я знаю в заборе, зря ты к Дону ходил.

– А деньги? МАС нам ничего больше не заплатит. Вернемся, передадим Дону инфу и слиняем. Документы он нам сделает: паспорта, визы. Поедешь на Кубу, в Индию или где там у вас растаманский рай? И я в теплые страны подамся.

– Ладно тебе, бро. Забей. Не нервничай.

Момент раскурил самокрутку, глубоко затянулся, задержал в себе дым, прикрыв глаза. Выдохнул. Данила помахал перед носом рукой, отгоняя прилипчивый аромат марихуаны.

Из-за поворота навстречу выехала потрепанная «лада». Остановилась. Вылез мужчина, махнул рукой. Данила открыл дверцу.

Обменялись условленными фразами. Наемников в «ладе» было трое, и еще девушка, Марина эта. Данила подал ей руку, помог выбраться. И это – ученый?! Девчонка какая-то, да ей и двадцати еще нет! Низенькая, стройная, узкобедрая. Глаза – темно-серые. Губы – сочные, четко очерченные. Рыжеватые завитки выбиваются из-под зеленой банданы. Фея во плоти. Ей бы юбочку из лепестков да крылышки стрекозиные, а не камуфляж и берцы. И молодая совсем – трудно поверить, что такая пигалица может быть полезной. А может, она старше, просто на биотине сидит и не стареет?

Выражение лица не гармонировало с обликом. Марина молча и очень серьезно смотрела прямо перед собой. Казалось, она перемножает в уме многозначные числа. А может, так оно и было – ученая же, эти все с придурью.

Момент, увидев неземное создание, мигом растаял и распушил перья. «Мариночка, а ты стрелять умеешь? Мариночка, а ты Сектора боишься? Ты не волнуйся, мы моментом туда и обратно, ты и не заметишь...»

Наемники, люди отца, держались сдержанно, профессионально. Данила выделил главного – Кондрата, бугая с маленькой головой и толстой шеей.

– Кондрат, ты ведь из Ловчего клуба?..

– Нет, не оттуда я, – ответил тот. У него был густой, выразительный бас.

– На МАС работаешь?

– Меня лично Тарас Петрович нанял. Наемник я. Вольный.

Вот так, значит. Почти коллега. Выходит-таки папаня решил МАС кинуть, и это люди министерства устроили у него погром?

– Вы перед отъездом с профессором виделись?

Бугай мотнул головой:

– Не. Не пришел он, а нам что – аванс даден, инструкции получены.

– А предупреждал, что может не прийти?

– Не. Но мало ли что. Человек-то занятой.

Раз папаня попал в немилость МАСа, платить ему нечем. Так что правильно Данила сделал, перепродав заказ Дону...

Астрахан покосился на Момент, пытавшегося беседовать с Мариной. На вопросы Гены она отвечала односложно, и Момент несколько приуныл. Данила, позлорадствовав, раздал отряду снарягу и развернул полученную от Дона карту.

Отряд должен был войти в Сектор в районе станции Сходня, в Химках. Далее до Московского моря и НИИ на его берегу можно было двигаться несколькими способами: пешком через лес, на каком-нибудь транспорте по трассе либо (Момент настаивал на этом варианте) по каналу имени Москвы на лодке.

– Ты пойми, бро, – Гена тыкал грязным ногтем в карту, – моментом доберемся, ноги стоптать не успеем! На восток до Лобни километров двадцать, с учетом искажений... ну, за два дня можно успеть. А дальше – рукой подать, бро, и мы на канале. Идем лесом, но лес у Барьера – это не страшно, искажений мало, тихо, спокойно. Опять же по трассам ходят патрули. По железке можно, но там иногда поезда со штрафниками и зэками проходят, их военные охраняют.

– А на воде безопасно?

– В Секторе везде опасно, бро, выдумашь тоже: безопасно. Но мы вообще к самой Глуби идем, чего нам в начале пути бояться-то? Если бояться – так и идти нечего. Смотри: нам на север. Если пешком, не важно, от Лобни или от Химок, по пути города заброшенные и лес. Я тебе, бро, сразу скажу: хуже нет, чем близко к Глуби в лесу оказаться. На воде ты хоть видишь, кто тебя жрать будет. А в лесу... Не, вру: брошенные города еще хуже леса.

Палец Момент двигался по карте, прочерчивая маршрут, он сопровождал движение пояснениями.

Ближние города – Химки, Лобня – почти что безопасны, там мало искажений, Всплески ощущаются слабее. К Московскому морю лучше выходить в районе Дубны. Значит, если пешком, придется миновать кучу городов: Икшу, Яхрому, Дмитров... И это – не говоря уже о поселках. Про Икшу Момент разъяснил:

– Там, бро, эпицентр жизни Второго пояса. Вообще, в тех местах людей уже мало, только самые опытные заходят. Но есть такой ареал жизни как бы – Икша. Она населена, охотники с проводниками туда сходятся за провиантом и боезапасом. Мимо железнодорожная ветка проходит, а дальше – армейская база.

– Действующая? – удивился Бугай.

– Именно, чувак. Хорошо охраняемая. По ветке армейские в ту сторону изредка гоняют поезда, старые паровозы, на которых привозят зэков. Ладно, про это потом...

В Икше, по словам Гены, следовало остановиться, чтобы пополнить запасы. А дальше лучше двигаться без остановок. И на лодке.

Никто не возражал, Марина смотрела на карту пристально, будто фотографировала. Рядом с ней Данила ощущал себя неуютно, силился разобраться, что же его напрягает: девушка симпатичная, но как неживая, будто ее транками накачали. Нужно будет за ней присматривать.

– Значит, – резюмировал Данила, – входим за Барьер, ночуем, за следующий день должны выйти к Лобне, второй переход – через Шолоховский лес к каналу. Все поняли? Тогда вперед!

Глава 3

План был прост, но требовал хорошего расчета времени. Дон передал Астрахану не только точное описание места проникновения, заброшенной железнодорожной станции Сходня в Химках, но и, что гораздо важнее, чего не мог бы заполучить тот же Момент, расписание патрулей МАСа.

Благодаря огромному количеству ржавого железа вокруг (вагоны, цистерны и пустые платформы гнили под открытым небом вот уже полтора десятка лет; между шпалами и сквозь дырявые полы прорастали сорняки в человеческий рост) укромных мест на станции было хоть завались.

Отряд выбрал в качестве укрытия яму между старым локомотивом и горой щебня и затаился до темноты.

За день металлические скелеты поездов накалились на солнце. Вечерело, и локомотив дышал жаром, как печка. От рельсов пахло креозотом.

– Жарко, бро, – пожаловался Момент, то и дело вытирающий пот. – Я дуну, э?

– Терпи! – отрезал Данила. – Огонек сигареты видно на термосенсоре за два километра.

– Можно подумать, нас не видно...

– На фоне этой духовки? – Данила махнул рукой на локомотив. – Еще полчаса мы будем невидимками.

– А потом?

– А потом стемнеет...

Темнело медленно. Солнце уже завалилось за горизонт, но на западе небо все еще алело. Начали досажать комары. «А репеллент мы и забыли», – мрачно отметил Данила. Марина, к которой комары проявляли повышенный интерес, отмахивалась все интенсивнее, порываясь вскочить. Один из бойцов тут же усадил ее обратно.

Бойцы Даниле вроде как понравились. Бугай, Жила и Бритый... С оружием они обращались умело, вели себя тихо, от Марины не отходили ни на шаг. Пока отряд шел к станции, наемники на автопилоте выстроились вокруг Марины по классической схеме: один впереди, один на два шага сзади, и один – прикрепленный, ответственный за эвакуацию при нападении – за правым плечом девушки на расстоянии вытянутой руки.

Телохранители. Подготовленные и сработанные.

Толку, правда, от их навыков в Секторе не будет...

Часы на запястье тихонько пискнули.

– Время, – сказал Астрахан негромко. – Ориентир – здание вокзала. Я иду первый, Момент замыкает. Темп средний. Не шуметь. Подниму кулак – замерли. Опушу ладонь – упал и будто умер. Ясно?

Наемники кивнули одновременно, Марина – чуть погодя. Момент страдальчески вздохнул.

– Начали движение...

Где-то далеко-далеко стрекотали кузнечики. Под ногами шуршал гравий и позвякивала какая-то пряжка на снаряжении Марины.

Данила поглядел на часы. До патруля восемь минут, укладываемся. Стратосферник с термосенсором должен пролететь над станцией через шесть... а, нет, пять с половиной. Пять двадцать...

– Быстрее! – прошипел Данила, переходя на легкую трусцу.

Здание вокзала находчивые военные использовали как КПП в Барьере, когда в Сектор еще отправляли составы с научным оборудованием. Потом КПП законсервировали, оставив

пост из пяти человек и еще троих – в патруле. Лезть в Сектор через старый вокзал было наглостью совершенно немислимой, потому могло и сработать.

Ну чем могут заниматься пять солдат на посту, где начальство появляется раз в месяц? Правильно, водку жрать да дрыхнуть. Пока солдат спит, служба идет...

Краем глаза Данила уловил движение на крыше вокзала и вскинул кулак. За спиной кто-то на кого-то налетел, тихо охнул.

На крыше вокзала вспыхнул прожектор. Ярко-белый луч лениво начал обшаривать лабиринт из вагонов. Отряд стоял как раз между двумя цистернами в потеках мазута.

– Опаньки, – сказал сзади Момент почти спокойно. – Под вагон?

– Стоять, – процедил Астрахан. – Не двигаться.

Луч скользнул по ним... и, как ни в чем не бывало, двинулся дальше. Сирена не взвыла, стрельба не началась. Солдат, крутивший прожектором, их просто не разглядел. Неподвижное на фоне неподвижного. А вот если бы они ломанулись под вагоны...

Пронесло.

Прожектор погас – видимо, солдат отправился досыпать.

Данила поглядел на часы – потеряли почти полторы минуты и скомандовал:

– Вперед, бегом – марш!

Тут уж было не до скрытности: они побежали, как стадо лосей, перепрыгивая через шпалы и рельсы и лишь у самого вокзала резко затормозили.

– Сколько? – запыхавшись, спросил Генка.

– Пятнадцать секунд... Десять... Пять... Четыре... Три... Две... Вперед!

Главное – слиться со зданием. Прижаться к шершавой стене лицом (на спине рюкзак, особо не прижмешься) и скользить, обдирая ладони, в сторону двери, молясь, чтобы никто из постовых не решил именно сейчас выйти отлить.

Есть. Дверь. Открыта. Хорошо!

Данила нырнул в дверной проем первым, надвигая на глаза ПНВ. В призрачно-зеленоватом свете вокзал походил на гигантский аквариум.

Ставя ногу на пятку и мягко перекатываясь на носок, он бесшумно двинулся вперед. Это была самая тихая часть операции – пост МАСовцев располагался на втором этаже, и только один солдат дежурил внизу, возле бывших железнодорожных касс. Ну где же ты, гаденыш? Ага, вижу тебя...

Солдат кемарил на стуле, прислонив автомат к стене. Данила подкрался к нему сзади, зажал ладонью рот, обвил рукой за шею (тот лишь трепыхнулся) и сдавил. Досчитал до семи. Отпустил, на всякий случай проверив пульс. Жив пацан. Но где-то полчасика абонент будет недоступен.

Повернувшись, оглядел своих людей и жестом показал: «Вперед».

В этот момент кто-то закашлялся на лестнице.

Данила тут же вскинул кулак, но все и без того замерли, как статуи.

– Ковальский! – позвали сверху и снова закашлялись. – Дрыхнешь? Подъем! Пошли в карты зарубимся...

М-да. Не повезло ребятам. Позвал бы ты его минуты две назад – глядишь, и оба живы бы остались... Данила аккуратно, чтобы не клацнуть, сдвинул предохранитель автомата.

– Эт-то еще что такое? – удивился кашлявший, а следом за ним удивился и Данила – с улицы донесся до боли знакомый рокот мотора.

Что это, Астрахан понял сразу, он на таком в свое время летал больше, чем ездил на автобусе, – десантный вертолет Ми-24М, последняя модификация в череде наследников легендарного «крокодила» Ми-24.

Но что вертолет делает у Сектора?!

С ума все посходили, не иначе...

Рокот быстро приближался, перерастая в грохочущий рев, в котором не то что шаги и выстрелы будут неслышны. Упускать такой шанс было нельзя. Данила махнул рукой «за мной» и бросился ко входу в Сектор. Остальные рванули следом.

* * *

– Значит, так, – сказал Астрахан вполголоса, пока остальные восстанавливали дыхание после короткой, но интенсивной пробежки. – Первый рубеж пройден. Самый легкий.

– Самый... легкий? – Даже заторможенная Марина нашла в себе силы удивиться, жадно глотая воздух.

– Да, – кивнул он. – Потому что на заставе мы имели дело с людьми. А люди совершают ошибки. Сейчас мы будем иметь дело с техникой...

– В смысле? – впервые подал голос Бугай.

– Там минное поле, – пояснил Данила, махнув рукой в сторону депо. – С этой стороны Сектор защищен хорошо. Растяжки. Датчики движения. Инфракрасные лазеры. «Кричалки». Они не ошибаются. Поэтому и мы не будем.

– А самое интересное, – подал голос Момент, – начнется тогда, когда мы через все это пройдем. Потому что дальше будет Сектор. А там – ошибайся, не ошибайся, а Сектор тебя поимеет, бро. Такое уж это место...

– Отставить нагнетать, – скомандовал Данила. – Будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас – минное поле. Три основных рубежа. Сигнальный: чуть что задел – шум поднимется такой, что мертвые из могил поднимутся, не говоря уже о наших доблестных МАСовцах. Второй – нелетальный. Сетки и «липучки». Предназначены для отлова малолетних дятлов, рвущихся в Сектор за приключениями на свою задницу. Вляпался – и сиди, кукарекай, пока патруль тебя не найдет и не вытащит. Сетки кевларовые, ножом не возьмешь. А «липучка» застывает секунды за полторы. Учтите, дальность плевка – метров пять, поэтому увидел, где баллон вроде огнетушителя, только зеленый – обходи десятой дорогой. Ясно?

Телохранители кивнули, а Марина сказала:

– Ясно.

– А последний рубеж для самых упертых, – заговорил Момент. – Старые добрые противопехотные мины. Обычные и «лягушки». – Он обвел взглядом телохранителей и на всякий случай пояснил: – Обычная, чуваки, взрывается сразу, как только на нее наступишь или заденешь растяжку. Убить не убьет, но полкостыля тебе оторвет точно. «Лягушка» срабатывает с задержкой в полсекунды, подпрыгивает вверх на метр-полтора и взрывается в воздухе. Разлет осколков – метров двадцать. Поэтому, если вы сделали шаг и услышали щелчок – громко орем «Мина!» и падаем плашмя. Шансы выжить – пятьдесят на пятьдесят, либо выживешь, либо нет.

Данила выдохнул и мрачно добавил:

– Надеюсь, все понимают, что раненых мы с собой тащить не будем?

Гулять по минному полю – все равно что бабочек ловить: со стороны выглядит нудно, а на самом деле увлекательнейшее занятие. Последний раз Даниле доводилось разминировать плантации опиумного мака на афганской границе, но там были горы и поля, а тут, как говорил их инструктор по боевой подготовке, «урбанизированный ландшафт».

Вагоны по эту сторону вокзала выглядели совсем древними, как динозавры. То ли просто близость Сектора сказывалась, то ли Всплески сюда докатывались регулярно, но все вокруг было ржавое, ветхое, тухлявое. Тронь пальцем – рассыплется в прах. Бетонные столбы фонарей, металлические каркасы семафоров, будочка путевого обходчика, шпалы и рельсы с пробивающими сквозь них бурьянами, горы щебня – и все это густо усеяно смертоносным железом, перетянута стальными проволочками растяжек, расчерчено невидимыми (но ярко-зелеными на экранчике ПНВ) лучами лазеров.

Больше всего это похоже на детскую игру. Нечто среднее между «Колыбель для кошки» и «Морская фигура, замри!».

Залезть на подножку вагона. Перепрыгнуть на соседнюю платформу. По лесенке – на крышу вагона. Зацепиться рукой за семафор и перемахнуть сенсор «кричалки». Бочком протиснуться между двумя дрезинами. Поднырнуть под цистерну. Пробежаться по рельсе, опасно балансируя над торчащими из земли «усиками» противопехотных мин.

Остановиться, оглядеться. Куда дальше? Вот туда... Ну – поехали!

Первой оступилась конечно же Марина. Чутье на опасность, говорите? Барышня с отсутствующим видом поперлась прямо под датчик движения, подвешенный на фонарном столбе. И хрен его знает, какую гадость бы активировал этот датчик, если бы Момент не сгреб дурицу в охапку и не оттащил в сторону. Бритый телохранитель дернулся было на чистом рефлексе гасить Момент («охраняемый в опасности!»), но Бугай успел все остановить.

– Марина, – сказал Астрахан, глядя в ее стеклянные глаза, – проснись. Тут опасно. Ты не на прогулке, поняла?

– Поняла, – кивнула девушка.

«Ни черта ты не поняла, дорогуша. Обкурилась, что ли, для храбрости?.. Или она по жизни такой тормоз? Ох, намучаемся еще с ней...»

Следующим вляпался Бритый. Задел ногой растяжку, услышал щелчок и, как учили, заорал:

– Мина! – и грохнулся оземь.

Мина не сработала. И такое бывает. Что-то в ней протухло за эти годы – то ли детонатор сгнил, то ли пружина села, то ли просто сегодня удача была на их стороне.

Но удача – дама капризная, неверная, злоупотреблять ее благоволением не следует.

– Вставай, – сказал Данила и ткнул Бритого берцем под ребра. – Еще раз облажаешься – сам пристрелю.

Инцидент с невзорвавшейся миной взбодрил команду не хуже чашечки ароматного эспresso. Бойцы открыли глаза, развернули уши, включили шестое чувство и остаток пути проделали чисто, без косяков.

– Стойте, – вдруг сказала Марина, когда они уже почти добрались до конца депо.

Дальше начинался пустырь, заваленный обломками железнодорожной техники, сквозь которые пробивались молодые деревца, а за ним темнел лес.

– Туда нельзя, там опасно, – произнесла девушка замогильным голосом.

Данила посмотрел вперед: ржавые железки курились, отдавая накопленное за день тепло, тонкие струйки марева тянулись вверх, искажая пространство. А за ними – то ли туман, то ли испарения, то ли тени плывут, перекрещиваются, ждут зазевавшегося путника. Права Марина – опасно там. Совершенно иррациональное ощущение: понимаешь, что сейчас тебе ничего не грозит, но всматриваться в марево не хочется – вдруг глубинные, загнанные в подсознание страхи воплотятся в жизнь?

В одном Данила был уверен: там живое. Затаилось. Ждет. Иная, чуждая жизнь, другая реальность. Шагни за грань – и твоя жизнь изменится, ты перестанешь принадлежать миру людей. Надо же, когда Сектор патрулировал, воспринимал всякую дрянь как должное, сейчас стойку сделал на мелочь какую-то – отвык.

«Затеяв эту авантюру, ты переступил за грань, теперь дело за малым», – напомнил ему здравый смысл. То, что пряталось среди развалин, было хуже человека. Данила покосился на попутчиков: Момент лыбился, Марина не реагировала никак – симпатичный киборг, а не женщина; телохранители ее угрюмо молчали.

– Все, бро, – хохотнул Момент. – Смена власти. Теперь мы на моей территории. Роль Чингачгука – Великого Змея беру на себя. Добро пожаловать в Сектор, чуваки!

Пожав плечами, Данила спросил:

– Насчет опасности впереди – правда? Там... не пойму, но что-то есть.

– Ну... не то чтобы совсем опасно. Но неприятно. – Момент указал на пустырь. – Там окопалась какая-то мелкая гадость вроде «гантели» или «бродилы», и девчонка это почувствовала.

– И как мы через твою гадость пройдем? – спросил Бугай.

– Не моя она, бро, не моя – секторская, – хмыкнул Момент. – Че мы, дураки, через нее идти? То есть ты-то – может быть, а я так нет. Зачем самим в гадость лезть, мы эту гадость обойдем. Крюк сделать – не проблема, а вот угодишь ты в «бродилу» – будешь день, неделю, год по кругу ходить, пока с голоду не сдохнешь. Или войдешь в искажение молодым и здоровым, а выберешься трясущимся старцем, я и такое видел... Да че я тебе рассказываю, ты и сам все знаешь.

– Обожди, – перебил его Данила. – Слышишь?

Издалека донесся уже знакомый рокот вертолетного мотора.

– Я думал, вертолеты над Сектором не летают, – пробасил Бугай.

– Ну почему не летают? – удивился Момент. – Летают. Но недолго. И не высоко. Как те крокодилы из анекдота...

Момент глупо хихикнул. Похоже было, что близость Сектора действовала на него не хуже косячка с отборной таджикской травой.

– Кончай шутить, объясни по-человечески!

– А что тут непонятного? – взялся объяснять Данила. – Над Первым поясом, самым неопасным, летают иногда. Если научники им дали прогноз, что Всплесков в ближайшее время не предвидится, то могут и полетать, почему нет? Хотя – опасно, конечно, потому что прогнозы те... Ну, как с погодой: навешал тебе диктор лапшу на уши, что завтра солнце и жара, а ты проснулся – дождь льет, ветер дует... В общем, летать им предстоит ровно столько, сколько Сектор отмерил. И летает он туда-сюда над самым Барьером, – задумчиво протянул Данила. – Не нас ли он случаем ищет?

– Может, и нас, бро... Только это не важно. Нам щас надо аккуратненько, без шума и пыли, обойти гадость на пустыре и добраться до леса. В лесу предлагаю заночевать. Дурное это дело – по Сектору впотьмах шариться. А утречком дальше двинемся. Уж поверьте, с ночными тварями лучше не встречаться, да и искажения труднее находить. Сектор ночью – одно враждебное искажение. Уяснили? Да? Тогда потопали, следопыты, – заключил Момент.

– Потопали, – угрюмо сказал Бугай, с недоверием косясь на пустырь.

Третий телохранитель – маленький, узкоплечий, но весь состоящий из сплетений мышц и сухожилий (за что Данила и обозвал его Жила), – до сих пор никак себя не проявлявший, внезапно скрючился в три погибели, после чего его стошнило.

Марина побледнела и пошатнулась, Момент едва успел ее подхватить под локоть, и даже Бугай, похожий на скалу, помотал головой и схватился за затылок.

Бритый упал на колени и зажал уши руками. На лице его застыла гримаса невыносимой боли.

У Данилы же, что называется, «бабочки в животе начали летать» – появилось предчувствие неумолимо надвигающейся беды. Волосы на затылке встали дыбом. Первобытные инстинкты требовали забиться в угол, а приобретенные навыки – достать оружие и занять круговую оборону.

– Спокуха, бро! – крикнул Момент. – Это Всплеск! Вот тебе и прогнозы! Ща пройдет, главное – не дергайся. Он всех по-разному штырит. Тут слабый еще, остаточный, вот после Икши – ваще красота.

Рокот вертолета оборвался. Долетались! Его сменил пронзительный гул авторотации и треск ломающихся деревьев.

И вместе с треском прошли все неприятные ощущения. Данила встряхнулся, Бугай и Жила подняли с земли Бритого, и даже Марина чуть порозовела, перестав напоминать экспонат анатомического театра.

– Короткий был, – прокомментировал Момент. – Совсем короткий, такие редкость, повезло. Иногда по два-три часа колбасит. Привыкайте. Чем дальше в лес, тем Всплески ярче.

– Что-то не особо тебя колбасило, – подозрительно заметил Жила, брюзгливо отирая подбородок.

– Так я ж привычный, – развел руками Момент. – Не первый год сюда хожу.

– Взрыва не было, – сказал Данила. – Падение слышал, взрыва не было.

Момент пожал плечами:

– Повезло чувакам. Будем надеяться, что и нам повезет. Значит, так... Марина, ты как, живая? Это хорошо. Я иду первым, вы – за мной, цепочкой. След в след. Данила, бро, пойдешь последним. Кто в сторону ступит – сразу пинка давай. Если кого колбасить начнет – сообщай сразу мне и не суется. Это как дурь – поколбасит и отпустит. Ясно? По рожам вижу, что ясно. Тогда – потопали, следопыты...

* * *

По доброй воле Шейх не сунулся бы в Сектор, острых ощущений ему хватило на службе. Но деньги были слишком хорошие, как раз хватило бы на лечение дочери, к тому же Астрахан, который едва его под трибунал не подвел... Если подумать, то ради его шкуры сунулся бы и по доброй воле.

В салоне тряслись два проводника, которых следовало беречь пуще зеницы ока. Сдохли проводники – все. Один – лохматый заика Чё, он же – Чё Гевара, беззубый, красноглазый, с воспаленными деснами героинщика, второй – коротышка Хоббит Обоим около тридцати, и до сорока они вряд ли дотянут: или сторчатся, или твари их сожрут. Хоббит разговаривал со здоровенной серой крысой, выглядывающей из рукава.

Шейх не понимал: что делать в Секторе здоровому, развитому человеку? Охотиться? Лесов вокруг и так полно. Деньги зарабатывать? Приключений искать? Ну разве что... Убежать, отрешиться от мира? Нет, уйти в Сектор – не смелость, а трусость. В нем от реальности скрываются недисциплинированные люди.

Слабаки и неудачники, так он считал.

Темнело, но еще можно было различить внизу покосившиеся ЛЭП, серые в сумерках заплатки лугов, березовые рощи и заброшенные поселки, блестящую ленту реки.

– Входим в зону повышенной опасности! – прокричал пилот. Несмотря на прогнозы, он знал, что может произойти Всплеск, и потому вел вертушку невысоко, едва не касаясь верхушек сосен. И он нервничал – Шейху показалось, даже руки у него дрожат.

Случалось, что Всплесков не было сутками, но иной раз они шли короткими импульсами. Мощный Всплеск был недавно, так что, возможно, у Шейха есть пара часов. Известно, что Астрахан движется к НИИ и, вероятнее всего, с юго-востока, именно там обнаружили его джип. Хотелось бы знать маршрут подробнее, остается ждать посланий от информатора.

Шейх повернул голову, изучая своих пятерых. Пилота и проводников он не считал. На поясе Алана висел кукри, боевой тесак непальских гуркхов с изогнутым лезвием в форме древесного листа, и он привычно положил руку на деревянную рукоять, покрытую черным лаком.

Наемники, наслышанные о прелестях Сектора, нервничали, переглядывались. Проводник Чё теребил бороду и беззвучно молился, Хоббит старательно делал невозмутимый вид, рассматривая свой обрез. Больше всех тревожился пилот – седоусый мужик лет пятидесяти.

– Прочесываем местность по квадратам, как и обговаривали, – велел Шейх.

Найти Астрахана надо было во что бы то ни стало. Во-первых: месть. Убить его – сразу легче и приятнее жить станет! А во-вторых: надо четко и быстро выполнить задание. Если Шейх не справится – закончится его карьера постоянного партнера Ловчего клуба и МАСа. Он

давно понял: жить и работать надо там, где крутятся деньги. Сектор – это биотин, а кто владеет биотином, у того в руках будущее. Из армии поперли, теперь надо как-то выкручиваться. Это сейчас он проводит отдельные акции, выполняя распоряжения МАСа, а дальше... Пройдет пара лет, он приструнит одиночек, докажет, что держит «поле» под контролем, и станет одним из крупных командиров внутри системы. Ведь система, она как поезд: можно управлять им, ехать в вагоне или бежать впереди, как это делает Астрахан. Рано или поздно он выдохнется, упадет, и железная машина размажет его по рельсам, а тот, кто в вагоне, может, шагая по головам, затаптывая других, добраться до паровоза и стать машинистом.

Шум мотора стих мгновенно. Вертолет трянуло. Пилот выругался. Чё взвыл:

– Это чё, а? Всплеск?! А как же прогнозы?!!

Словно тисками сдавило голову. Шейх схватился за страховочный ремень, стягивающий грудь. Лопасти еще вращались, сосняк неумолимо приближался. Легкий толчок. Удар, скрежет и треск... Его рвануло вперед – спасли ремни. Потом вдавило в кресло, и машину перевернуло. Видимо, удар смягчили сосны, теперь вертолет падал, сминая стволы. Бац! Похоже, вертушка повисла, зажатая стволами. В салоне матерились. Шейх скрипнул зубами, отцепил ремни, толкнул дверцу – заблокирована.

– Говорил вам – не надо на вертолете! – причитал второй проводник, Хоббит, нервно почесывая серую крысу, вылезшую из рукава. – Идиоты! Не летают здесь на вертолетах!

– Заткнуться! – рявкнул Шейх. Затылок ломило от боли – действие Всплеска. – Вам идет тройной оклад за ходку, так что работаем! Что со второй дверью?

Пилот освободился, дрожащими руками открыл дверцу, часто сглатывая, и шумно вздохнул:

– Метра три до земли. Повезло!

Взбудораженные и злые бойцы зыркали из салона. Кто-то постанывал, кто-то матерился.

– Лестница где? – обратился Шейх к пилоту.

Седоусого трясло. Из салона протянули черный рюкзак:

– Вот она!

Шейх закрепил конец веревочной лестницы, сбросил вниз и собрался спуститься первым, но Чё возопил:

– Стоять! Нельзя! Опасно!

Между сиденьями появилась его перекошенная рожа. Встретившись взглядом с Шейхом, он перестал наглеть и замахал руками:

– Начальник, слушай сюда! Это же Сектор, он не любит новичков! Я и Хоббит идем первыми, вы – за нами.

– Я не пойду, – пилот наконец отвел руки от лица. Вид у него был беспомощный и жалкий. – Лучше тут подохну. Я видел, как это бывает.

– Твое право, – пожал плечами Шейх и указал на лестницу. – Проводники – вперед. Нам нужно взять объект, пока он не приблизился к Глуби. Потом будет поздно, и с нас живьем шкуру спустят.

Чё выглянул из вертолета, почесал в затылке и принялся, потом плавно и осторожно, будто танцуя, скользнул на лестницу, ухватился за канаты и слез с ловкостью обезьяны. Над самой землей застыл, качнулся и прыгнул. Наемники высунулись и молча наблюдали за ним с такими лицами, будто ожидали, что под проводником развернется земля или его шарахнет молнией. Спокойней других казался лишь качок с квадратной челюстью, темноволосый, патлатый, с черными, неожиданно умными и проницательными глазами – его называли Рэмбо.

Проводник коснулся земли ладонями, подождал минуту, задрал голову и прокричал:

– Слезайте, все нормально!

Шейх огладил любимую «эмку» – последнюю модификацию легендарного карабина М-468 под патрон 6,8 мм, очень удобная игрушка. Что называется «юзер-френдли-интерфейс»

в отличие от «калаша», который, сволочь, хоть по-своему и хорош, но сделан так, что при долгом использовании рвет ладони или предохранителем, или затвором. А эта и удобная, и легкая, и длина приклада регулируется, что важно для людей разного роста.

Нацепив рюкзак со снаряжением, он достал из ножен непальский тесак и, крепко держа его клинком к земле, последовал за Чё.

Лестница под его немалым весом качалась, щеки гладил ветер. Спрыгнув, Шейх глянул вверх, на зажатый сосновыми стволами вертолет. Хоббит спустился, сел, поглаживая крысу, а наемники наверху все ждали чего-то – про кошмары Сектора они слышали много и не спешили прыгать. Шейх сплюнул. Это была новая бригада, с которой он раньше не работал... Надо было одному идти, с проводниками! Эти сейчас – только обуза.

– Даю три минуты на спуск! – крикнул Шейх и глянул на часы – они остановились, секундная стрелка дергалась, но все равно он заключил: – Время пошло!

Засуетились. Первым полез Рэмбо, за ним остальные. Вскоре весь отряд был в сборе. Пилот передумал оставаться в вертолете и тоже слез, стоял изваянием чуть в стороне. Чё тряхнул космами и снисходительно улыбнулся:

– Не кипишите, ребята, тут чисто.

– Пока чисто, – добавил насупившийся Хоббит и почесал крысе живот. – Манюня, чисто ведь, правда?

Шейх взглянул на компас: сломался. Мобила тоже сдохла. Накрылась вся электроника, зато осталась старая добрая бумажная карта. Чё он не очень доверял – слишком обдолбанный видок у парня – и потому обратился к Хоббиту:

– Ты! Иди сюда.

Хоббит нехотя поднялся и встал рядом – мелкий, круглый, Шейху по ключицу, лица сверху не видно, одна кудрявая макушка.

– Нам нужно попасть сюда, – Шейх провел пальцем по карте – от Лобни до НИИ. – Проведешь? Как долго идти?

Рядом тотчас нарисовался Чё, уставился на карту.

– Чё нам! – радостно воскликнул он. – Мы сейчас здесь, – ткнул в зеленоватое пятно и пояснил: – В лесопарке. Повезло, иначе разбились бы. Но ночью – лучше не. Если идти, то прям сейчас, пока видно еще...

– Ага, а если впереди искажения высыпали? – проворчал Хоббит, потирая подбородок. – Дом отдыха вспомни. Вот удивляюсь я тебе, как ты еще живой? Сектор не любит спешки, надо осторожно и обстоятельно.

– Так или иначе – идем, – скомандовал Шейх.

– Идем, идем, только я первый, – закивал Чё. – За мной – Хоббит, а уж потом вы, гуськом. Мочиться поодиночке не ходить – опасно. Если чё увидите – не стрелять, не всегда помогает. Большинству тварей ваша стрельба до фонаря...

– И вам придется нас конкретно слушать, – добавил Хоббит, тараща на Шейха круглые черные глаза с бабыми густыми ресницами.

– А вам придется конкретно запомнить: наше дело – во что бы то ни стало догнать отряд противника, – в тон ответил Шейх. – Догнать и перехватить. Они, вероятно, идут к каналу мимо Лобни. Так, а вы запомните, – Шейх, повернувшись к наемникам, показал на Хоббита, – когда я молчу, слушайте их. Ясно? Все, ведите. И если увидишь человеческие следы – говори.

Глава 4

Когда стемнело, палатки установили в лесу, недалеко от заброшенной будки путевого обходчика. После гадостей на пустыре ночевать в руинах никто не хотел. Момент посоветовал сразу лечь спать – какое там! Даже у Данилы адреналина в крови было столько, что о сне не могло быть и речи. Тогда Геша попытался завести беседу с Мариной: начал заливаться соловьем о непознанном, непознаваемом и очень опасном. Марину его рассказ интересовал мало. Похоже, ее вообще ничего не интересовало.

– Я вот что думаю, – поделился Момент, кутаясь в камуфляжную куртку. – Когда ты приходишь в Сектор в первый раз, он тебя присваивает – или убивает, или забирает часть твоей души, и ты уже не можешь без него. Возвращаешься снова и снова, а среди обычных людей тебе тошно и скучно.

Постепенно Момент, явивший миру талант рассказчика, собрал слушателей: придвинулись телохранители, похожие на грубо высеченные из дерева фигуры, даже Данила, привыкший к бестолковой болтовне друга, стал слушать. Марина же по-прежнему не реагировала на происходящее, лишь иногда отвлекалась на комаров, коих здесь водилось великое множество. Шлеп – и темная дорожка на щеке.

– Комары – это хорошо! – Момент послунывил палец и вытер кровь со щеки Марины, – она покосилась с удивлением, но промолчала. – Зверье, птицы и мошकारа первыми всякую гадость чуют и исчезают, поэтому многие проводники берут с собой в Сектор животных. Те, которых он еще не до конца присвоил. А я здесь свой, Сектор и так предупреждает меня, если что.

– Или просто ты тоже чуешь, – сказал Данила, – не потому, что избран и помечен, а потому что тоже скотина. То есть к животным ближе, чем к людям.

– Посмотрю на тебя попозже, – вздохнул Момент, потом внезапно оживился, повернулся к Даниле и спросил: – Бро, разве тебе не интересно понять, как работает какой-нибудь механизм? Разобрать по болтикам? Да хоть вкурить, как тот же автомат стреляет? А тут тайны, легенды, ходят вокруг, дышат, смотрят на тебя и манят. Манят! Кажется, протяни руку – и ты поймешь... И растворишься, останешься тут навсегда.

– Ну тебя, – буркнул Бугай. – Морочишь нас этими сказками.

Данила искоса оглядел наемника. Высказавшись, тот сразу притих, голову в плечи втянул, по сторонам зыркает и автомат из рук не выпускает.

А вокруг – черная стена леса. Скрипит, щелкает, вздыхает, и пойдя разбери, скрипят ли это трущиеся друг о друга стволы или неведомая тварь подает сигнал второй такой же: «Они здесь. Дичь. Мясо».

И хруст такой подозрительный, будто огромные лапы ломают ветви...

Слушая Момента, он перевел взгляд с Бугая на других. И вдруг спросил:

– А где Жила?

– Кто? – не понял Бугай.

– Где ваш третий? Самый мелкий?

– Толян? В кусты пошел, во-он туда, – Бугай указал на малинник.

– Бли-и-ин! – взвыл Момент. – Я же говорил: не ходить по одному!

В эту секунду затрещали ветви и донесся испуганный вопль.

Бугай вскочил, включив фонарь, направил луч в лес и выхватил из мрака... Это. Больше всего тварь походила на вставшего на задние лапы горбатого ящера. И еще было в ней что-то от медведя. Если, конечно, допустить, что у медведей – по крайней мере, обитающих в Секторе, – бывают чешуя и пластинчатый гребень. Покачивалась огромная башка с костяными

наростами, что торчали над узкими желтыми глазками. И лапы... Хорошие такие лапы с загнутыми когтями.

Марина распахнула глаза, Бритый разинул рот и попятился к палатке, держа тварь под прицелом.

– Не стрелять! – крикнул Момент.

Одной лапой бронемедведь придавил к земле все еще живого Толяна-Жилу, а другую совершенно по-кошачьи вылизывал длинным раздвоенным языком, сидя при этом на заднице.

– Твою мать! – выдохнул Астрахан. – Раптор!

– Хренозавр то бишь, – шепотом согласился Гена. – Встречается редко, но метко... Моментом сожрет, не подавится.

«А массы-то в нем несколько тонн, – прикинул Данила. – Теперь понятно, зачем Моменту подствольный гранатомет. Эх, сюда бы РПГ... Или «муху»... Правда, тогда Жиле кранты. Ну и сам дурак, в конце концов! Был бы со мной Зулус – можно было бы попробовать выманить тварь, но Зулуса нет. Так что...»

Данила закинул руку за спину, нащупал рукоятку «моссберга».

– Не вздумай! – приказал Момент, целясь в тварь из «грозы». – Ему картечь – что слону дробина.

– Знаю. Я отвлеку, а когда он слезет с этого кретина, вали его из подствольника.

– На фига, бро? Он же не голодный.

– Откуда ты знаешь?

– Ну мы же еще живы... – пожал плечами Гена.

Хренозавр поерзал на месте и обе лапы положил на Жилу Тот лежал тихо.

– Бро, сиди смирно и ничего не делай. Дядя Момент все сделает сам.

Гена загнал в подствольник гранату, поднял «грозу» к плечу.

– Ты же сказал, что... – начал Данила.

– Я не валить его буду, а завлекать. В глубь леса. Он азартный, но тупой, главное – заставить его ломануться куда-нибудь, а там он не остановится, пока не устанет. А один я бегаю быстрее, моментом обернусь. В общем, я ща пальну, а когда он за мной ломанется – забирайте кретина... Готовы?

Данила кивнул. Момент прицелился чуть выше бронированной башки хренозавра и пальнул из подствольника. Бумкнуло звонко, и граната по настильной траектории перелетела через монстра, угодив в заросли сосняка, где и взорвалась. Затрещала падающая сосенка.

Хренозавр, уже разинувший пасть над Жилой, заинтересованно вскинул голову. Маленькие глазки загорелись хищным пламенем. Момент с абсолютно укурненным спокойствием всадил между этих глазок короткую очередь из «грозы» (пули срикошетили от пластин) и бросился бежать.

– Сейчас! – на бегу скомандовал он. Когда хренозавр, взревев, бросился за ним, Астрахан вместе с Бугаем метнулись к потерявшему сознание Толяну.

Астрахан схватил телохранителя за ноги, а Бугай («Кондрат, – вдруг вспомнилось Даниле, – точно, его зовут Кондрат!») – за плечи, и они потащили Жилу в кусты.

Оттащив на более-менее приличное расстояние, положили Толяна на землю, и Кондрат начал деловито выкручивать ему мочки ушей, приводя в сознание. На толстых, поросших волосами пальцах Кондрата виднелись бледные татуировки – блатные перстни.

«А Бугай-то у нас – сиделец. Как бы он не оказался человечком Дона...»

Жила очнулся со стоном и спросил шепотом:

– Он... это... ушло?

– Ушло, ушло, – успокоил его Астрахан.

Из сосняка доносился рев хренозавра и короткие очереди «грозы». Деревья трещали, как будто через них ломился не один бронированный медведь, а стадо мамонтов.

– Я думал... думал – всё... – сказал Толян.

– Это Сектор, – ответил Данила. – Здесь в одиночку не ходят, запомни.

– Я ж отлить только...

Астрахан, начиная потихоньку волноваться, высматривал Момент. Тот появился минут через пять, взмыленный, с сосновыми иголками в дредах и дымящейся «грозой» в руках. Рев хренозавра к тому времени приобрел обиженные нотки – видимо, неповоротливая тварь все-таки где-то застряла.

– Дунем, бро? – невозмутимо предложил Гена, выживая из-за уха косячок.

После инцидента с хренозавром все три телохранителя – Кондрат, он же Бугай, Жила, он же Толян, и Бритый, чье имя Данила забыл напрочь, а спрашивать было уже как-то неловко – стали относиться к Сектору с большей опаской, а к Моменту – с уважением.

– А откуда... ну... взялся этот хренозавр? – спросил Кондрат, почесывая свои наколки.

– Хрен его, хренозавра, знает, – беззаботно ответил Момент. Выкуренный косяк, по всей видимости, пробил его «на поговорить». – Это народное название, а по-научному, я слышал, они прозываются «завроподами» или как-то так. Мы ж не знаем ни черта толком, чувак! Сколько лет Сектор топчем, ученых сюда посылали, армию сюда посылали. Гринпис долбанный – и тот сюда лез! А толку? Ничего почти не знаем! Людей погибло – море. Техники угробили столько, что уму не понять и не представить. А сколько денег в Сектор вбухали, мама дорогая... а на выходе – шиш с маслом.

– А биотин? – возразил Данила. – Хорош шиш: миллиарды долларов.

– А что биотин? Ты знаешь, что это? Так, чтоб на пальцах разъяснить? Не знаешь, и никто не...

И тут заговорила Марина – тихим, но уверенным голосом бывшего лектора:

– Биотин тормозит не только процессы старения, но и большинство патогенных процессов, включая рак. Аутоиммунные заболевания, ревматоидный артрит только биотином лечатся. Ведут исследования по выправлению генетических заболеваний. Биотин воздействует не просто на клеточную структуру, он участвует в синтезе белка, меняет ДНК-клетки.

– Знаю я одно существо, – протянул Данила, – которое по чужому ДНК себя строит. Хамелеон называется.

Марина промолчала.

– Ну, ну ладно, биотин – да, – неожиданно согласился Момент. – Биотин – это круто. Вечная молодость, то да се... Только его ведь из хамелеонных желез добывают, правильно? А хамелеонов ловчие ловят, вон как Данила, и все больше за пределами Сектора. Получается, что соваться в Сектор человеку ни выгоды нет, ни резона. А все равно суются, бро. Такая уж человек скотина любопытная – если чего не понимает, лоб себе расшибет, а будет пытаться понять. Ладно, Сектор... А Глубь? Там же вообще сумасшествие какое-то.

– Ты там бывал? – перебил Данила. – В Глуби?

– Подходил близко, – сказал Момент и сразу замкнулся. – Но я не хочу об этом говорить.

– Ну и не говори, – легко согласился Астрахан. – Только я с тобой все равно не согласен.

– В чем это, бро?

– В том, что биотин – это круто. Мы сегодня престарелых теток омолаживаем, а завтра они начнут пятнистых чупакабр рожать, что твоя Эльза. Нельзя пользоваться технологией, не понимая ее сущности.

– Это там сущность, – махнул рукой Генка. – А тут, в Секторе – сучность. И пока ты будешь ее понимать, она тебя так отпонирует...

– Ай-й-а в-в-вот... – начал было говорить Бугай и испуганно замолк. – Ч-ч-е эт-то с-со мной? – испуганно удивился он.

– Это ты, бро, зайку поймал, – пояснил Момент. – Искажение такое. Неопасное. Теперь часа два заикаться будешь.

– Б-б-б-б...

– Ага, – хмыкнул Гена, – именно это слово.

Бритый и Жила заржали, а Кондрат надулся от натуги, пытаясь выругаться.

Данила посмотрел на Марину. Девушка, способная, по утверждению папаши, чують опасность за версту, невозмутимо молчала.

– Ты знала? – спросил он негромко. – Что тут рядом искажение?

– Да, – сказала девушка. – Геннадий прав: она неопасная.

– Почему не предупредила?

– Пришлось бы другое место искать. А оно – большое, размазанное. Час бы точно потеряли.

– Марин, а давно ты их чувствуешь? Искажения?

Глаза у нее стали абсолютно пустые, стеклянные. Марина вяло помотала головой.

– Не знаю. Наверное, давно. Это – ценный талант. Тарас Петрович говорил, что ценный.

Даниле от упоминания отца стало кисло и тошно, но он продолжил допрос. Не нравились ему способности Марины, несло от них неприятностями и тайной.

– А давно с отцом работала? С профессором Астраханом?

– Давно, – снова неуверенные интонации. – Еще с института в его лаборатории. Да, точно. Он был моим научным руководителем, потом я пришла к нему в отдел...

– А лет тебе сколько, сестренка? – перебил Момент.

Она моргнула. Еще раз. И сказала:

– Двадцать пять.

– Чего-о?! – Гена вылутился на девушку, остальные тоже уставились на нее. – Каких же тебе двадцать пять, опомнись! Ты и на двадцать не выглядишь!

– Я... В мой... – Она замолчала надолго, потом сказала: – В моей семье все выглядят очень молодо. Это наследственное. С Тарасом Петровичем мы вместе занимались, – вновь последовала длинная пауза, – Сектором. Теорией.

Данила ждал продолжения, но Марина, похоже, решила, что все сказала. Тогда пришлось ее подтолкнуть:

– А чем именно?

Она встряхнула волосами, закусила губу. Неужто не знает? Вполне может быть, лаборатория-то правительственная, секретная. Девчонка выполняла свою часть работы и не ведала, о каких исследованиях идет речь.

– Я точно не знаю, Данила Тарасович. Искажения. Свойства биотина. Всем, наверное... понемногу. Вы должны понимать, я только после аспирантуры, двадцать пять всего, мне особо не доверяли.

Не доверяли, но отправили в Сектор? Как вообще отец выяснил, что Марина чувствует опасность? Исследовал ее, что ли? Или в лаборатории как-то это проявилось... И что это с ней, почему так нервничает, когда он расспросы начал? Вон, уже чуть не плачет. Ну и хватит на этом. Глаз с нее не спускать, следить за каждым шагом – нечисто тут.

– Вот если вдуматься, бро, – как ни в чем не бывало развивал тему искажений Момент, – та же заика – безобидная вроде бы вещь, а ведь как она действует? Тормозит речевые центры? Или голосовые связки временно садит? Фиг поймешь. Но действует моментом.

– К-к-к-коз-з-злы в-в-вы в-все! – прокомментировал Кондрат.

Его напарники зашлись в хохоте. Заикающийся Бугай был и вправду смешон. Он обиженно засопел и уполз в палатку.

– Пора бы и нам, бро, – Момент потянулся и зевнул. – Пока я на стреме, потом разбужу тебя и кого-нибудь еще. Спокойного, стало быть, всем Сектора, быстро по койкам!

* * *

Первым шел Чё, его движения напоминали танец, он то скользил вперед, то замирал, прислушиваясь и принохиваясь. Хоббит шажочками следовал за Чё, держа крысу на ладони. Позади Шейха топали Тармаш и Косик – эти были близкими друзьями и держались вместе. Они иногда перекидывались тихими фразами. За ними следовали Браты, двое близнецов – сколько им лет, определить трудно, оба лысые, брови и ресницы как корова слизала, носы маленькие, вздернутые, длинные безгубые рты и цепкие, хищные глаза профессиональных убийц. Алан Шейх на таких на войне насмотрелся: им человека зарезать все равно, что бабочку прихлопнуть. Замыкал шествие Рэмбо, который на фоне остальных выглядел наиболее человечно, да и глаза его выдавали природный ум. Ну, и пилот...

Лес шелестел, ухал и вздыхал, вдалеке протяжно, на одной ноте, что-то кричало. Похоже на филина. Или не филин, а какая-то местная тварь, Сектор их разберет. Под ногами хрустели мелкие ветки – тропы не было. Приходилось ломиться сквозь кусты, огибать буреломы. Постепенно наемники успокоились, перестали дергаться и от каждого пука хвататься за винтовки. Шейх и сам немного расслабился, вспомнил Можайку и марш-бросок через лес. Холод, жижи по колено, и гнус так в глаза набивается, что смотреть невозможно. Этот поход – просто курорт: гнуса нет, сухо, из сосняка тянет хвоей и грибами...

Гнус? А где гнус-то? Ведь недавно звенел-звенел над ухом и вдруг исчез, и ветер стих, в воздухе разливается, звенит тишина... Опасность! Шейх остановился. Вскинул руку, велел идущим за ним замереть. Секундой позже прыжком развернулся Хоббит и пробормотал:

– Всплеск! Опять!

Позади застонали, Шейх обернулся: Рэмбо валялся на земле и, дергая ногами, бормотал что-то – причем, удивительное дело, бормотал на английском. Кого из бойцов скрутило, кого скрючило. Пилот стоял на коленях.

– Это что? А ну встать! – скомандовал Алан.

– Всплеск, – объяснил Хоббит. – Второй уже.

Шейх прислушался к ощущениям: чуть давит на виски, мысли замедлились, а в остальном все так же.

Разинув рот, Чё смотрел на него со смесью ужаса и уважения.

– Сектор принял его, – шепнул он Хоббиту. – Ты, командир... теперь свой. Но я бы на твоём месте все равно не расслаблялся.

– Оба можете называть меня просто Шейх.

Бойцы очухались спустя минут пять. Алан отхлебнул виски из фляги, подождал, когда они встанут, и велел двигаться дальше, хотя сам понимал: пора останавливаться на ночлег.

Его мысли озвучил Хоббит:

– Днем все просто и понятно, а ночью такое бродит...

– Или не бродит – существует, – перебил его Чё. – Я не видел того, что бродит ночью. Никто не знает, бродит ли оно или просто существует, как искажения. А кто видел, тот уже не расскажет. Так-то.

– Что еще за чушь, – дрогнувшим голосом пробормотал кто-то из наемников.

Шейх чувствовал: Чё прав, лучше переждать. К тому же ночью через Сектор не попрется даже Астрахан. Если учесть, что конечная точка его маршрута известна – НИИ на водохранилище, то промежуточные пункты и весь путь тоже примерно известны. К тому же Астрахан тащит девку, значит, движется медленно, и догнать его будет несложно.

Он скомандовал:

– Ищем поляну и останавливаемся на ночь.

– Там, за сосняком была одна, – ответил Хоббит.

Поляна больше напоминала заболоченный луг: чахлые, скрученные осины, с одной стороны – темная стена ельника, с другой – то ли пруд, то ли болото, окруженное густым высоким

камышом. Чуть дальше заросли мертвых деревьев и земля вокруг бесплодная, будто обожженная, даже трава не растет.

– Тут хорошо, – объяснил проводник. – Крупные твари не придут, увязнуть побоятся, а от мелочи типа чупакабр мы отобьемся. Правда, Манюня?

Он пересадил крысу на плечо. Манюня встала на задние лапки, завертела головой, оглядываясь.

Наемники сняли рюкзаки. Рэмбо закурил, прикрывая сигарету лопатообразной ладонью, пилот включил фонарь, но на него тотчас напустился Чё, объясняя, что на свет всякое приходит, а в Секторе и подавно, потому нужно сидеть тихо-тихо. Бойцы сели в кружок, закурили. Пилот потоптался рядом, повздыхал и устроился на рюкзак со снаряжением.

В лесу ухнул филин. Шейх расставил ноги, покрепче перехватил «эмку», прислушиваясь: стараясь перекричать друг друга, разорялись лягушки, в лесу топталось что-то крупное, ломало сучья и фыркало, звенело комарье. Плеснула рыба – лягушки разом смолкли. Клацнули челюсти. Та еще рыба, да уж!

Над болотом белой шапкой поднимался туман, прозрачные щупальца просачивались сквозь камыш, ощупывали берег и тянулись к замершим бойцам. Туман вздымался и опадал, как грудь исполина, а ветер, отдающий тиной, казался его затхлым дыханием.

– Я ведь был тут, – пробормотал пилот. – Давно. Десант доставлял на вертолете. С тех пор и седой. Повезло тогда – не было Всплеска. Хотя, повезло или нет, кто знает. Прибыли тогда на место, глядим: село какое-то заброшенное. Лагерь разбили. Ну, как, лагерь... мы с командиром в сарае, ребята в доме. Два года тогда прошло, как Сектор появился. Вокруг дома того крапива с меня, деревья разрослись. Плющ какой-то стены оплел. Просыпаюсь я утром рано-рано, выглядываю в окно: а деревья-то черные все и крапива черная. И торчит наш дом гнилым зубом. А рядом – тело дозорного... Фарш дозорного. Кровавое месиво. И всех так. Все полегли ребята. Их просто наизнанку вывернуло. А деревья черные, как вон те, – трясущейся рукой пилот ткнул в мертвый осинник. – Мы недалеко от периметра забрались и давай с командиром назад ломиться. Как ломились – не помню. Прорвались, да-а...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.